

1.2010

семья и школа

Заниматься
наукой: зачем?

страница

8

Особо
агрессивные

страница

12

Злоключения
русского языка

страница

18

Рыба, и не только

страница

37

журнал для родителей

Фото Владимира Воронова

Журнал
для родителей

Основан
в 1871 году
Возобновлён
в 1946 году

СЕМЬЯ И ШКОЛА

ЗАО Редакция журнала
«Семья и школа»

Генеральный директор
В. Ф. Смирнов

Главный редактор
П. И. Гелазония

Редакция журнала:

Т. Я. Кедрина
(досуг и быт),

Л. А. Комарова
(художественный
редактор),

Н. С. Мавлевич
(школа и общество),

Л. Ф. Осипова
(культура),

В. А. Рыбаков
(развитие
и воспитание ребенка)

Дизайн-проект журнала:
В. Е. Валериус

Предпечатная подготовка:
И. В. Аршанский,
О. В. Шорохова

Книжная редакция:
С. И. Сивоконь

Редактор интернет-сайта:
О. Л. Журавлева

Распространение:
Н. П. Солошес

Обеспечение выпуска:
А. М. Бакланова,
Е. В. Угрюмова

Учредитель и издатель:
ЗАО Редакция журнала
«Семья и школа»
Свидетельство
о регистрации № 017036
Госкомитета РФ по печати

Адрес редакции:
129626 Москва,
улица Павла Корчагина, 7,
строение 1
Телефон/факс: (495) 683-8614
e-mail: mag7a@narod.ru

Отпечатано в ОАО «ЧПК»
142300 город Чехов Московской области
Сайт: www.chpk.ru
e-mail: marketing@chpk.ru
Факс: 8 (49672) 625-36; 8 (499) 270-7300

№ 1 (январь) 2010
Подписано в печать 25 декабря 2009 года.
Формат 60 × 90/8. Печать офсетная.
5 печ. л. Тираж 2000 экз. Заказ

В розничной продаже
цена свободная

© ЗАО Редакция журнала «Семья и школа», 2010

На обложке:
фото Владимира Воронова

В номере:

Советы и рекомендации

Наталья Кисина
Какой ужас!

7

Юра знает: на взрослых и маленьких сердиться нельзя. А вот на ровесника Ваню — можно. Да и сам Ваня не прочь насолить мальчишке, который, как ему кажется, занял его место возле отца

Вячеслав Иванов

Почему надо заниматься наукой

8

Когда начинается спад, в правильно устроенном обществе увеличивается количество изобретений и находят люди, способные эти изобретения оценить и понять. И здесь возникает сложная проблема смены поколений

Владимир Леви

Особо агрессивные дети — чего ожидать, как обращаться

12

Безнаказанность обучает злу. На время, пока несмышлениш мал, пока дочеловеческая природа его еще не может получить противовеса в незрелом сознании, отваживание от агрессии наказанием, насильственная выработка тормозов — из худшего менее худшее

Повод к размышлению

Борис Бим-Бад

Понимают ли родители учителей? Это одно из условий согласия семьи и школы

2

Семья, родители могут приблизить желательные перемены в школьном образовании, обсуждая с учителем свою воспитательную политику в духе согласия и мира. Семья и школа выигрывают, когда поют в лад, в унисон

Вокруг развития и воспитания

4

Новое о хорошо знакомом и еще не знакомом

Чтение

Лия Осипова

Коллекция гимназиста

15

150 лет со дня рождения А. П. Чехова

Мариэтта Чудакова

Злоключения русского языка в XX веке

18

Что делает нас единой нацией в гражданском смысле слова — русскими или российскими людьми, кому как нравится? Только единый язык, на котором все мы — кто лучше, кто хуже — говорим

Лия Осипова

Цветение гения

20

На выставке «Ладо Гудиашвили. Парижские годы»

Александр Мелихов

Тень отца

Рассказ

23

Наталья Мавлевич

Стены падают

29

Двадцать лет назад рухнула Берлинская стена. Всего два десятка лет, а уже всё быльем поросло. Когда мир меняется так быстро, кажется, что куда важнее поспевать за этими изменениями, чем оглядываться назад

Евгений Попов

Пригов — это наш Пригов, это наш Пригов...

32

Огден Нэш

Два стихотворения

36

Домашние занятия

Кухня: рыба, и не только

37

Понимают ли родители учителей?

Это одно из условий согласия семьи и школы

Объявив нынешний год Годом учителя, государство собирается сделать все, чтобы учитель стал уважаемой фигурой в обществе. Но при этом возрастают и ожидания общества — от школы, от учителей и воспитателей.

Весьма сложны функции учителей в их отношениях с родителями или законными представителями детей. Иногда учителя оказывают сильное влияние на домашний статус ребенка. Чтобы правильно строить отношения со школьными преподавателями, семейным воспитателям важно знать, что возможные новшества, которые планируется внести в деятельность учителей, не заменяют собой прежние обязанности педагогов, а дополняют их. Поэтому полезно сделать краткий обзор функций и роли школьного учителя, которые сохраняются и в новом году, а потом рассмотреть дополнительные обязанности учителя.

Борис Михайлович Бим-Бад, доктор педагогических наук, действительный член Российской Академии образования

Функции и роли учителя разноплановы, сложны и многопрофильны. Он — организатор учебного процесса. Человек, которому учащиеся доверяют свои секреты и тайны. Судья достижений и успехов детей. «Дирижер» внеклассных видов деятельности, акций и мероприятий. Он же — имеющий большую ответственность администратор и еще член профессиональной корпорации.

В школе учитель отчасти замещает родителей. Он несет ответственность за жизнь и здоровье детей, за нарушение прав и свобод обучающихся и воспитанников. Учителю передаются отчасти властные функции родителей — дисциплинирование, слежения за соблюдением детьми приличий и т. п.

Власть учителя над ребенком в некоторых отношениях далеко превосходит родительскую волю. Учитель властен удалить ребенка из класса, способствовать его исключению из школы. От учителя, а не только от ученика, зависит, будет ли он переведен в следующий класс или оставлен на второй год. Вмешательство родителей в решение этого вопроса дает, как правило, незначительный результат.

Выбор профессии, будущее детей зависит от степени их успешности в классной комнате. Школьник, у которого серьезные трудности в учении и (или) поведении, ставит перед учителем задачу огромной сложности. Нуждается ли он в специальном обучении, или в консультации психотерапевта, или в помощи домашних, — во всех случаях учителю приходится вести непростую работу с окружением этого школьника.

От учителя требуется особый склад способностей, знаний и умений. Так, ему необходимо распределенное внимание, чтобы одновременно следить за своей речью, реакцией и ответами учеников, за их поведением, за тем, как именно он сам или дети пишут на доске. При этом он должен постоянно поддерживать интерес класса к изучаемому материалу.

Учитель — практический психолог. Он направляет обучение в соответствии с возрастными особенностями

детей, учитывает их уровень развития и их интересы. Он разрешает подчас весьма сложные психологические ситуации. Более того, ему приходится измерять и оценивать степень психического развития его подопечных.

Учитель — практический логик. Он обязан отслеживать формирование понятий у учащихся, контролировать качество складывающихся у них мыслительных процессов: обобщений, выводов, абстрагирования, интерпретации, объяснения, применения правил к конкретным примерам, суждений.

Учитель — практический социолог. Для организации обучения (даже для того чтобы правильно рассадить учащихся в классе) он должен знать лидеров в данной группе, отверженных и обижаемых, друзей и недругов.

Сложной и тактичной дифференциации школьной работы требуют от учителя все виды природного и социального неравенства. Это физическая сила, красота, этническое и социальное происхождение, материальный достаток, ум и т. д.

Личность учителя играет определяющую роль в любом учебном процессе. Педагог воспитывает направленностью интересов, отношением к делу, всем своим духовным обликом. Воспитатель-учитель положительно влияет на подопечных, когда являет собой пример профессионализма, компетентности, доброжелательства, воли и справедливости.

Профессия учителя предполагает высокий уровень личностного развития, любовь к людям, получение удовлетворения от помощи им, истинную образованность, воспитанность, вкус, артистизм, ораторское искусство и владение стилем.

Хорошее преподавание требует интенсивной работы на личностном уровне. Эффективные учителя вызывают интерес к своему предмету, поддерживают его успехами детей в учении, терпеливо ведут их к этим успехам. Они понимают природу затруднений детей, подбадривают их, проявляют терпеливость, безропотно и стойко перенося непонятливость и непонимание детей. У лучших учителей учение идет с увлечением.

Отношение детей к учителю невольно переносится и на их отношение к учебному предмету. Спросите в любой школе, какой предмет больше всех других нравится детям. Если подавляющему большинству школьников более всего нравится, положим, физика, знайте: этот учитель физики — хороший.

Дети уважают и ценят учителя, у которого они чувствуют, что умнеют, лучше и лучше справляются с заданиями.

Очень многое здесь зависит от того, какой вид, какой характер взаимоотношений между детьми поощряется учителем. Главное — поощрять взаимопомощь. Не соперничество, а сотрудничество, не зависть, а радость, не победы над другими, а победа над собой, не требовательность к другим и снисходительность к себе (самооправдания, жалость к

Учитель обязан:

- давать возможность помогать себе в работе, в объяснении нового материала;
- быть предельно честным, неизменно правдивым;
- обладать чувством юмора, говорить без иронии, без насмешек, гордиться каждым и никого не захваливать;
- быть всегда готовым отстаивать интересы ребенка, чтобы тот чувствовал свою защищенность и учился при этом самопомощи, самозащите;

- радоваться общению, поддерживать бодрый тон;
- уметь признаваться в своих ошибках, не быть самолюбивым, не быть подозрительным, не быть несправедливым;
- не требовать от детей того, чего не требуешь от себя;
- видеть себя со стороны, следить за свои взглядами, словами, жестами, мыслями, чувствами.
- интересоваться искусством, литературой, политикой, наукой, интересоваться живо и страстно. Учителю необходимы живые, постоянные культурные интересы. Это основа основ.

себе), а требовательность к себе и терпимость к другим, не осуждение других, а стремление и умение понять другого.

Дополнительные новейшие ожидания от учителя. Сейчас резко повысилась нужда в предупреждении учителями отклоняющегося поведения, правонарушений, становления и укрепления асоциальных и анти-социальных установок у школьников. Общество и государство заинтересованы в деятельности учителей по предотвращению индифферентизма школьной молодежи, преодолению ее инфантилизма.

В сегодняшнем мире плюралистических ценностей все время повышается роль нравственного воспитания и морального развития личности, способной противостоять дурным влияниям среды, атмосфере насилия и жестокости.

От школы требуется результативная работа по адекватной *адаптации* новых поколений к реалиям жизни.

Совершенно необходимо ныне обслуживание *нестандартных детей* педагогами со специальным образованием. В их услугах нуждаются дети с задержками психического развития, с пограничной умственной отсталостью; эпилептики, шизофреники и т. д.

Сейчас не принято собирать больных детей в однородные группы. Напротив, часто включение отклоняющегося от нормы ребенка полезно включить в группу совершенно здоровых сверстников или в разновозрастную группу. Но в таких случаях важно участие в воспитательной работе наряду с обычным учителем еще и специалиста. Иначе неизбежно наносится вред обычным, и необычным учащимся.

Учителей постоянно побуждают к творчеству, к применению передового опыта, к принятию инновационной теории и практики и к участию в новациях.

Современный учитель должен знать и уметь многие вещи, которых никто не ждал и не требовал от прежних учителей. Он нередко применяет компьютерные программы в учебном процессе. Он использует сложные технические средства обучения. От учителя требуется умение пользоваться стандартизированными тестами и составлять собственные тесты успешности.

Очень важно, чтобы учителя и воспитатели оказались ныне не в положении «передаточного механизма» содержания обучения и воспитания, а всё более и более становились носителями содержания образования — когда они и учебно-воспитательный материал не могут быть отчуждены друг от друга. Превращение педагогов-практиков в носителей содержания общеобразовательной культуры, в один из важнейших его источников невозможно без появления совершенно новой их деятельности: поиска и фиксации культурного содержания, складывающегося в реальном процессе их взаимодействия с учащимися. Учитель и воспитатель должны стать разработчиками содержания образования в союзе не только с ученым, но и с детьми. Только тогда они перестанут играть роль механических исполнителей заданной им в готовом виде «песни», или, как пишут некоторые теоретики, «сценария» учебно-воспитательного процесса.

Необходим отход от господства фронтальной работы учителей с неизменным составом учебной группы, делающей учение непосильным для одних и тормозящим развитие других. Наполняемость групп должна становиться все более гибкой, что связано с оптимизацией нагрузки учителей и классных руководителей, с совершенно необходимым упорядочиванием оплаты их труда.

Все это, в свою очередь, зависит от социального статуса и престижа профессии учителя, повышение которых планируется правительством.

«Единый фронт». Вы скажете, что *во всем объеме* предполагаемые функции и роли современного учителя в школе просто невыполнимы. И будете правы, поскольку в своей полной системе они представляют собой скорее идеал, к которому важно стремиться, чем ближайшую реальность нашего образования. Одного только предстоящего нам Года учителя вряд ли будет достаточно для достижения провозглашаемых целей.

Но семья, родители, опекуны школьников могут приблизить желательные перемены, обсуждая свою воспитательную политику с учителем в духе согласия и мира. Семья и школа выигрывают, когда поют в лад, в унисон.

Вокруг развития и воспитания

Новое о хорошо знакомом и ещё не знакомом

Ведение блога улучшает навыки письма

Дети, которые пишут смс-сообщения и ведут блоги, а также пользуются социальными сетями, пишут лучше, чем другие их сверстники, свидетельствуют данные исследования, проведенного британским Национальным фондом грамотности.

Опрос трех тысяч детей в возрасте от 9 до 16 лет показал, что 61 процент блоггеров и 56 процентов пользователей социальных сетей оценили свои навыки письма как хорошие или очень хорошие. Лишь 47 процентов из тех, кто блогов не ведет и сетями не пользуется, ответили так же. У 24 процентов опрошенных есть

собственный блог, а 82 процента посылают текстовые сообщения по крайней мере раз в месяц. Кроме того, 73 процента общаются с друзьями с помощью программ мгновенного обмена сообщениями. При этом 77 процентов пишут на бумаге в школе и дома, готовя домашние задания.

«Наши данные свидетельствуют, что существует тесная связь между использованием современных технологий и навыками чтения и письма, — говорит директор Национального фонда грамотности Джонатан Дуглас. — Полученные в сети навыки порождают стремление детей писать

рассказы, письма, тексты песен или вести дневники».

Дуглас считает преувеличенными страхи, вызываемые тем, что дети пользуются для общения в интернете упрощенным языком, в котором много сокращений и символов. «Вредит ли это грамотности? Наши исследования показывают, что чем больше форм общения используют дети, тем лучше в конечном итоге их словесные навыки», — считает Дуглас.

Однако не все преподаватели согласны с тем, что использование интернета в рамках занятий идет на пользу детям. Многие учителя начальных школ сомневаются в том, что детям полезно проводить много времени за компьютером — особенно младшим школьникам. Они считают, что отношения между учителем и ребенком куда важнее.

Секстинг популярен и опасен

Поданным опроса, проведенного «Ассошиэйтед Пресс» совместно с MTV, многие молодые американцы занимаются секстингом, то есть обменом фотографиями и видеокадрами сексуального характера по мобильному телефону или в интернете. По данным исследования (оно охватило около 1200 человек в возрасте от 14 до 24 лет), секстингом занимаются не только около четверти подростков, но и около трети взрослой молодежи.

При этом многие подростки не осознают неприятных последствий таких шалостей, отмечает автор статьи в «Тайм» Либби Куайд. В частности, они зачастую не понимают, что по американским законам они могут быть привлечены за это к ответственности. Они не задумываются всерьез и о том, что их откровенные фотографии могут увидеть потенциальные работодатели или члены приемных комиссий учебных заведений. Молодежь определенно убеждена в своей безнаказанности, утверждает Кэтлин Богл, профессор социологии университета Ла-Саль в Филадельфии.

При этом около 14 процентов опрошенных подозревают, что их фотографии были разосланы без их разрешения, и, возможно, они правы: 17 процентов получивших фотографии признались, что пересылали их другим.

Были случаи, когда девушки сводили счеты с жизнью из-за того, что их фотографии, предназначенные для их молодых людей, распространялись среди других подростков.

Да, фото
весьма
эффектны!

С сердцем порядок — учиться легче

Группа ученых из Гетеборгского университета в Швеции впервые провела масштабное исследование, призванное сопоставить физические данные людей, данные об их здоровье и их академические успехи. До сих пор подобные работы касались исключительно детей младшего возраста или людей преклонных годов.

Ученые использовали базу данных о гражданах Швеции мужского пола, рожденных с 1950 по 1976 год, которые в возрасте 18 лет предоставляли свои данные службам учета вооруженных сил страны. Всего в исследовании оказалось задействовано таким образом более 1,2 миллиона человек.

Обнаружилось, что в первую очередь с умственными способностями людей связано состояние сердечно-сосудистой системы, а не мышечная сила. Кроме того, состояние сердца и сосудов в возрасте 18 лет оказалось надежным фактором, предопределяющим социальное и экономическое положение человека в будущем. Ученые точно установили, что окружение, а не генетическая предрасположенность, играет ключевую роль в выявленных соотношениях между здоровьем и умственными способностями.

Авторы исследования полагают, что их исследование наглядно показывает, как развитие спорта и поощрение физического развития граждан мо-

жет в масштабах страны дать заметный положительный эффект и в ряде других сфер, в том числе, и в уровне образованности людей.

Полученные данные служат подтверждением того, что повышение уровня физической подготовки в средней школе — один из способов противодействовать все большему распространению сидячего образа жизни, который повышает риск болезней и с которым, вероятно, так или иначе связаны низкое интеллектуальное развитие и низкая академическая успеваемость.

Физкультура — дело нужное

Роботы помогают больным детям

Роботы собирают автомобили и компьютеры, фасуют продукцию на фабриках, осуществляют транспортировку контейнеров с опасными материалами, даже проводят хирургические операции. Но этим сфера применения робототехники не ограничивается. Сейчас ученые работают над созданием «социально активных» роботов, способных оказывать помощь детям с ограниченными физическими и умственными способностями.

С виду Кевин — обычный шестилетний мальчишка: шустрый, энергичный, очень любит играть с компьютером. От сверстников Кевин отличается тем, что не может говорить. Ему очень трудно двигать ртом и языком.

Как и многим другим детям с речевыми отклонениями, Кевину помогает врач. Но метод лечения Кевина, сообщает «Голос Америки», отличается тем, что часть времени мальчик занимается с роботом. Это механическая кукла полуметрового роста, необычного цвета и с двигающимися руками и ногами. «Очень важно, что «Космобот» умеет увлечь детей», — говорит специалист по реабилитации нервной системы Кэрол Саманго-

Спраус, которая несколько десятилетий работает с детьми-инвалидами. Одна из причин высокой лечебной эффективности «Космобота» в том, что дети воспринимают его как живое существо. Через него они говорят, от него же получают различные указания и выполняют их.

Во время лечебных занятий ребенок сажает «Космобота» на колени и его двигающейся рукой указывает на слова в таблице, которые просит найти доктор. Самому указывать на нужные слова Кевину было бы неинтересно, но когда он это делает с роботом — картина меняется. Кевин говорит с помощью «Космобота», но ему также нравится управлять его движениями. Нажимая на кнопки пульта, соединенного с компьютером, Кевин может заставить пойти робота вперед, назад или ходить кругами.

«Космобот» помогает Кевину лучше планировать свои действия. Он дает Кевину чувство независимости, потому что мальчик может выбрать, чем именно хочет заняться с его помощью. Мать Кевина говорит, что «Космобот» улучшил качество жизни ее сына: «Сейчас, играя с друзьями, он стал мягче. Раньше он мог подойти к кому-нибудь и слегка ударить по руке, как бы здороваясь с человеком. Больше он этого не делает. Сейчас он скорее помашет рукой. Я вижу, что он научился у «Космобота» спокойствию и сдержанности».

В ожирении виноваты гены

Ученые Великобритании обнаружили генетические причины тяжелой формы ожирения, развивающейся в детском возрасте. Исследование проведено специалистами Кембриджского университета и британского Института Сенгера.

Исследование коснулось 300 детей с тяжелой степенью ожирения. Сравнив ДНК больных с генетическим материалом более семи тысяч здоровых людей, исследователи обнаружили отсутствие у пациентов с ожирением некоторых участков генома, отвечающих за регуляцию веса человека и уровня сахара в крови. Эти мутации были обнаружены у пяти больных ожирением и лишь у двух человек из контрольной группы.

Открытие генетических причин ожирения сыграет важную роль в диагностике заболевания, которое ранее ошибочно считалось связанным с перееданием. Некоторые пациенты, участвовавшие в исследовании, были внесены социальными службами в группу риска в связи с подозрениями в сознательном перекармливании со стороны родителей. На основании новых данных эти дети были исключены из группы риска.

Эгоизм и альтруизм

Человек от природы эгоистичен и нуждается в исправлении, уверяют многие родители. Однако в последнее время биологи начали склоняться к более оптимистическому взгляду. Их заключения основываются на наблюдениях за поведением детей и сравнении его с поведением маленьких шимпанзе.

Николас Уэйд («Нью-Йорк Таймс», излагаем по «Новой Газете») пишет, что биологи пришли к выводу: у детей есть врожденная склонность к социализации и помощи себе подобным. Автор появившейся недавно книги «Почему мы сотрудничаем» Майкл Томаселло (психолог и специалист по детскому развитию, один из директоров Института эволюционной антропологии имени Макса Планка в Лейпциге) свидетельствует: полуторагодовалый малыш пытается помочь постороннему взрослому человеку, если видит, что тот пытается открыть дверь или, скажем, подобрать упавшую прищепку для белья, а руки

его заняты. Можно предположить, что помогающее поведение является врожденным — ведь оно появляется на очень ранней стадии развития, до того, как родители начинают обучать ребенка правилам приличия. Малыши способны как оказать практическую помощь, так и поделиться информацией. В 12 месяцев они показывают пальцем на объект, который родители хотят найти. Шимпанзе друг другу так не помогают никогда.

Есть у доктора Томаселло и удивительные новости для родителей, которые думают, что их ребенок проскочил в развитии фазу сотрудничества: многие дети более склонны к сотрудничеству, когда находятся вне дома. Вот почему родители бывают удивлены, когда слышат от учителя или тренера, что их ребенок прекрасно себя ведет. «Внутри семьи чаще преобладает соперничество», — считает доктор Томаселло.

По мере того как ребенок растет, он начинает оказывать помощь более избирательно. Примерно с трех лет ребенок уже скорее поделится чем-нибудь с тем, кто до этого проявил к нему доброе отношение.

В этом возрасте возникает и представление о социальных нормах.

«Большинство норм касается хорошего отношения к другим, — продолжает доктор Томаселло, — и дети быстро их усваивают, поскольку хотят быть принятыми коллективом». Дети понимают, что должны не только сами соблюдать правила, но и от других членов коллектива требовать того же. У них появляется то, что автор называет «совместной интенциональностью» — понятием об ожиданиях других, из которого возникает чувство общности. Совместная интенциональность появилась на ранней стадии эволюции человека и ее назначением скорее всего была совместная добыча пищи. Отсюда пролегла тропинка к обязательному сотрудничеству (приматы по ней не пошли), которая привела к обязательности соблюдения социальных норм, альтруизму и появлению языка.

Изначально социальная природа человека не означает, что люди всегда добры друг к другу. Поддержание социальной структуры требует усилий, в том числе враждебного отношения к чужакам. «Вот почему возникают моральные дилеммы, — объясняет Майкл Томаселло. — Мы эгоистичны и в то же время альтруистичны».

Насилие в семье. Жертвы — родители

Их унижают, причем не кто-нибудь, а собственные дети. Многие родители живут в страхе, но не решаются просить о помощи. К таким выводам пришли британские специалисты. Что же происходит?

«Женщине угрожала ножом 14-летняя девочка» — заголовок, который мог бы появиться в любой из британских газет. А что если это происходит в твоём собственном доме, и подросток с лезвием в руках — твоя собственная дочь?

Родителям постоянно угрожают, даже избивают, утверждают сотрудники одной из ведущих британских благотворительных организаций, занимающихся вопросами семьи. Нередко доходит до того, что родители боятся оставаться дома один на один со своими детьми.

На горячую телефонную линию этой организации поступает по три звонка в день от родителей, перенесших оскорбления словом или действием со стороны собственных детей. У некоторых все это длится годами.

«Мы можем сидеть, смотреть телевизор. И в следующую минуту моя 14-летняя дочь подскакивает, выключает телевизор и просто брызжет оскорблениями. Называет меня коровой

и сукой. Она несколько раз громила дом, даже била меня и своих младших брата и сестру. Когда она спокойна, это любящий, прекрасный ребенок. Но я постоянно хожу по краю, я боюсь ее, не знаю, что делать. Это как жить с безумным партнером, я просто не знаю, что случится через минуту».

Подобная агрессия (а она, в числе прочего, может выражаться в виде пинков, щипков, толчков, плевков, ударов кулаком о стену) куда более распространенное явление, чем принято считать. В основном насилие над родителями совершают дети в возрасте от 13 до 15 лет. Но есть данные и о трехлетних детях, которые ведут себя подобным образом, и о почти совсем взрослых — тех, кому за двадцать.

Матери — главная цель: девять случаев из десяти приходится на них. Это женщины всех возрастов, из самых разных слоев общества. Но, возможно, самое поразительное открытие состоит в том, что наиболее жестоко по отношению к ним ведут себя не сыновья, а дочери.

Истинный размах феномена оценить очень сложно, так как часто такие конфликты не выходят наружу, подчеркивает профессор Кевин Браун из Бирмингемского университета,

изучавший эту проблему. А Сюзи Хэйман, автор книги «Научись быть родителем: твой подросток», добавляет: «Чувство стыда играет не последнюю роль... Стыд — причина того, почему ситуация вышла из-под контроля. Стыд мешает рассказывать об этом даже ближайшим родственникам, не говоря уж о других людях».

Кроме того, профессор Браун убежден: проблему не только замалчивают, ее не изучают в той степени, в которой она заслуживает изучения. Общество не готово согласиться с тем, что подобные отношения между родителями и детьми существуют, объясняет ученый.

То, что девочки более склонны вести себя подобным образом, удивляет не всех. Установлено, что они иначе, нежели мальчики, справляются с проблемами, которые встречаются на пути. «Мальчики и девочки испытывают одинаковые чувства, но действуют по-разному, когда расстроены или разозлены, — объясняет Сюзи Хэйман. — Мальчики занимают саморазрушением вне дома: пьют, катаются на машинах. Девочки делают это более скрытно — к примеру, спорят с родителями».

Во многих случаях причина такой агрессии очевидна. Родители, возможно, сами вели себя агрессивно по отношению к ребенку или ребенок наблюдал сцены насилия дома. Фактором может быть и возраст: подростковая пора особенно болезненна.

Н. П.
(по материалам
Интернета,
иностранной
печати
и радио)

Какой ужас!

Соседский Юрка — страшный развратник. Так говорит не кто-нибудь, а его родная мать.

Юрик — ровесник нашего Коти. Его семья переехала в наш дом весной. Очень скоро мы познакомились и подружились с новыми жильцами, хотя началась эта дружба довольно неожиданно. Котя с Юрой очутились в одном классе, и на третий день Юриного пребывания в новой школе он чуть не задушил Котю. Оба мальчика рослые и плотные, так что шуплая учительница еле их растащила и тут же записала обоим в дневники экстренный вызов родителей. Мы с Ольгой — мамы добросовестные. В условленное время сидели рядышком перед Светланой Петровной и покорно выслушивали ее жалобы. До сих пор Светлана Петровна полагала, что самый крупный, самый горластый и самый драчливый мальчик в классе — это Константин, и вдруг появился Юрий — еще крупнее, еще горластее и еще драчливее. Я, в общем, была даже рада уступить кому-нибудь лавры первенства в этой категории и почувствовала симпатию к Ольге. На обратном пути оказалось, что мы живем на одной лестничной площадке. Что ж, решили мы, сейчас же и призовем драчунов к ответу.

Примирение состоялось за чаем. Впрочем, Котя на Юру зла не держал, и оба отправились инспектировать Юрины лежконструкторы. Про эпизод с удушением мы все же поговорили.

— Сам не знаю, что на меня нашло, — сказал Юра. — Мне показалось, это не Костя, а Ваня.

Когда ребята ушли в детскую, Оля пояснила:

— Ваня — сын моего мужа от первого брака. Он приходит к нам на выходные. Муж хочет, чтобы мальчишки как можно больше бывали вместе, водит их на хоккей или в парк. Они вроде бы и дружат, даже скучают, если долго не видятся, но иногда, кажется, один другого готов прикончить. Только Ваня действует исподтишка, так что хулиганят вдвоем, а достается Юре. Юрка же, бесхитростная душа, все делает в открытую: возмущается, лезет драться. Мы это пресекаем, муж никаких жалоб не принимает: играйте вместе, и точка.

Потом я этого Ваню не раз видела, а иногда наши мальчишки играли втроем, и, надо сказать, сводные братья в компании с Котей ладили лучше, чем когда оставались один на один.

Летом у Оли родилась дочка. Оля со страхом ждала, что Юра будет ревновать, капризничать — словом, начнутся проблемы, описанные в книжках для родителей. Но Юрка Леночкой даже гордился, без конца ее фотографировал и рисовал. Правда, один рисунок был какой-то подозрительный — уж очень пустышка во рту сестрички была похожа на здоровенный кляп. Ну да ведь Юрка не бог весть какой художник.

Кстати, о художествах. Однажды расстроенная Оля рассказала, что застала сына за странным занятием: Юрка ожесточенно мял и рвал какой-то рисунок. Но это были не муки творчества взыскательного художника, как подумала мама.

— Когда я очень злюсь, — объяснил Юра, — то рисую Ваню и рву, рву, рву его на кусочки!

Осенью Котя и Юра пошли во второй класс. И тут выяснилось, что Юра не только большой и горластый, но еще и страшный хулиган. Хуже того — испорченный мальчишка!

Развратные действия заключались в том, что он после физкультуры вбежал без штанов в девчончью раздевалку. На другой день бабушка одной из девочек сказала директору, что ее внучка получила психическую травму и всю ночь не спала и что бесстыдника Юру надо выгнать из школы. Заодно открылось, что Юра ругается матом. Директор обещала разобраться, опять призвали в школу Юрину мать, и Оля тоже получила сокрушительную психическую травму.

Вечером она позвонила мне, рыдающая:

— Какой ужас! Что делать?

Ну что делать? Конечно, звать семейного чудопсихолога, столько раз выручавшего нас в самых отчаянных ситуациях.

Консультацию пришлось устраивать тайную: Олин муж психологам категорически не доверяет. Зато ей самой стало легче, уже когда, начав излагать позорные подробности Юриного поведения, она увидела, что чудо-психолог улыбается:

— Да ничего страшного! Все вполне нормально, и никакой особой терапии не требуется. Все поступки Юры просто кричат: «Я зол! Обратите на меня внимание!». Конечно, он злится: и на вас, и на отца, и на маленькую сестру, но знает: это чувства запретные, на взрослых и маленьких сердиться нельзя. А вот на ровесника Ваню — можно, тут никакого святотатства нет, драка — дело житейское. Да и сам Ваня всегда не прочь насолить мальчишке, который, как ему кажется, занял его место возле отца. Для вашего сына Ваня стал фокусом обиды и озлобления. И очень хорошо, что он рисует и рвет его портрет — это способ выпустить пар, иначе он бы просто лопнул. Ну а в школе он дает себе волю. А что ругается и щеголяет голышом... Это, конечно, нехорошо, но тоже очень понятно. Такое поведение — стопроцентная гарантия того, что он окажется в центре самого жгучего внимания. Со знаком плюс или минус — не так важно. Обязательно надо с ним поговорить.

Беседу с Юрой Оля отрабатывала на мне и жаловалась, что у нее язык не поворачивается выговаривать то, что посоветовал сказать психолог. И вот она старалась, а я слушала:

— Я понимаю, что ты сердилась на нас: на Леночку, на меня и на других взрослых. Имеешь право. Я тоже часто на тебя сержусь. И мне тоже обидно, что мы теперь не каждый вечер читаем с тобой книжки, потому что надо купать и кормить Леночку. Что, если перенести чтение на другое время? Например, я могу тебе читать, пока ты ужинаешь, а перед сном, если я не смогу, ты прочитаешь сам. И я прошу тебя не ругаться... Ой, нет, не могу я! Что ж, объяснять ему, почему нельзя материться и снимать при девочках штаны?! А то он сам не знает!

— Не знаю! — подаю я реплику за Юру. — Скажи, мам, почему? Что такого страшного? Взрослые тоже матерятся, а голых людей на картинах рисуют.

Мы долго тренировались, придумывали разные доводы, но логических объяснений не находили. Просто не принято, грубо, оскорбительно... Впрочем, наши заготовки не понадобились.

Как только Оля сказала, что понимает Юркину злость, он прижался к ней и залился слезами. Наверное, одного разговора мало, но можно надеяться, что в ближайшее время у него не возникнет искушения шокировать девочек и бабушек. Тем более, что он теперь почти каждое воскресенье ездит к своему папе, а тот матом не ругается и всегда ходит при дамах в штанах.

Н.Кисина

Почему надо заниматься наукой?

Портрет
работы
фото-
художника
Светланы
Леонидовны
Ивановой

Лекцию, которую мы публикуем, Вячеслав Всеволодович Иванов прочитал для молодежи во Всероссийской государственной библиотеке иностранной литературы.

Во вступительном слове директор библиотеки Екатерина Гениева сказала, что завидует тем, кто впервые будет слушать этого удивительного человека.

В. В. Иванов — ученый мировой величины, действительный член Российской академии наук, член Американской академии наук и искусств, Британской академии, Академии наук Латвии, профессор Калифорнийского университета, директор Института мировой культуры МГУ.. Широта его интересов и многообразие дарований необыкновенны. Он автор фундаментальных трудов в области лингвистики, антропологии, истории культуры, переводчик с восемнадцати языков мира, поэт. Среди тех, кого он лично знал и с кем дружил, великие поэты Пастернак (в советское время Вячеслав Всеволодович подвергся гонениям за отказ участвовать в его травле) и Бродский, физики Харитон и Ландау — словом, люди, которых с полным правом можно назвать лучшими умами нашего времени. К числу таких людей, бесспорно, относится и он сам.

Я хочу рассказать вам о трех вещах. Все они связаны тем, что, как мне кажется, дают ответ на вопрос, почему надо, стоит, необходимо заниматься наукой.

Первое имеет отношение к большому кризису, который, как вы, наверно, знаете, переживают разные страны, в том числе Россия. Так вот, я расскажу вам о том, как наука учит, каким образом можно выйти из кризиса, и покажу, как это связано с моим основным вопросом.

Второе тоже связано с основным вопросом и касается того, в какой части мировой истории мы с вами живем, куда мы с вами попали. Представьте себе, что мы были бы очень далеко от Земли, могли бы смотреть на Землю и знали бы, что там есть человечество, переживающее длинную историю, — в какой же момент этой истории мы попали? Это более широкая тема, чем кризис, и тоже достаточно интересная — каждый человек должен знать, где он живет, в какой эпохе; вот я попытаюсь вам про эту эпоху рассказать.

И третий вопрос, связанный и с основным, и особенно с ответом на второй: я вам буду пытаться рассказать, что я понимаю или знаю о красоте и каким образом наука связана с тем, как мы понимаем красоту.

Это три вещи, которые дают ответ на один общий вопрос.

Итак, зачем нам нужна наука, почему мы должны заниматься наукой, почему это наша обязанность, почему это необходимость для всех?

Рассказываю вам в основном идею больших мировых кризисов, как ее понял наш великий экономист, один из самых замечательных русских ученых минувшего века Николай Дмитриевич Кондратьев. Он был одним из активных деятелей Февральской революции 1917 года и последующих месяцев, крупной фигурой в партии эсеров — социалистов-революционеров. Это была партия русского крестьянства. Россия была

крестьянской страной, больше 90 процентов населения занимались крестьянским трудом, жили в деревнях, поэтому эсеры были воплощением надежд, стремлений, желаний большей части населения России. Кондратьев сам происходил из довольно бедной, малоимущей, как тогда говорили, крестьянской семьи, претерпел очень много трудностей. Детство его — это то, что Горький, говоря о себе, назвал «в людях»; он проходил очень жестокую школу, самым тяжелым трудом зарабатывал себе на жизнь, овладевая разными ремеслами. Он хорошо знал не только обычный крестьянский труд, но и то, как можно прожить, занимаясь разными делами, скажем, работая мастером по изделиям из кожи и т. д. Очень рано он вступил в партию эсеров и стал заниматься активной политической деятельностью. Ну, Россия никогда не была особенно свободной страной, что бы вам сейчас ни говорили о том, как хорошо жилось до революции; но все-таки в царской тюрьме Кондратьев как эсер провел восемь месяцев, а в тюрьме после большевистской революции семнадцатого года, когда большевики преследовали эсеров, своих ближайших товарищей по революционному движению, — в большевистской тюрьме он провел восемь лет, и его буквально замучили, его пытали там по специальному указанию Сталина, который его ненавидел.

Почему Сталин так ненавидел Кондратьева? Сталин ненавидел русское крестьянство и, в сущности, пытался его уничтожить. Может быть, вам попадалось в газетах упоминание о голодоморе — голоде, который был в начале тридцатых годов, в частности, на Украине. По существу, это была попытка Сталина расправиться с большей частью крестьянства, просто физически расправиться. Я это с детства знаю, когда я был совсем еще маленьким, у меня была няня, и она мне рассказывала о судьбе своей семьи. Сама она рано попала в Моск-

ву и потому избежала участи своих родных, но они все были объявлены кулаками, поскольку семья была сравнительно зажиточная, и их всех отправили в Сибирь, где многие из них погибли. Это была участь многих миллионов крестьян при Сталине. Естественно, что Кондратьев, политический лидер партии крестьянства, вызывал особую ненависть Сталина.

Задолго до тех пятилеток, о которых говорится в школьных учебниках, Кондратьев придумал пятилетку спасения и восстановления деревни, которая была разрушена Гражданской войной, и эта пятилетка была успешно осуществлена в 1923–1928 годах, так что это действительно человек, который сыграл большую роль в истории России. Если бы ему не удалось создать план, по которому восстановилось русское сельское хозяйство, то, наверное, после всех невзгод, которые на крестьян обрушил режим Сталина, начавшаяся вскоре большая война, я думаю, страна просто бы не уцелела.

Кондратьев сыграл большую роль в спасении страны, поэтому мы должны считать, что он правильно поступил, когда отказался принять предложение своего друга еще по школе, тоже выходца из крестьян, ставшего знаменитым во всем мире ученым-социологом, Питирима Сорокина. Сорокин был выслан из России в 1922 году, был такой корабль, на котором отправили вон из России самых крупных мыслителей: Бердяева, Булгакова, Шестова; с ними вместе уехал и Питирим Сорокин, а Кондратьева тогда собирались судить за его деятельность как эсера, поэтому его исключили из списка высылаемых, а потом признали, что он нужен для работы по восстановлению деревни, и он остался здесь. В 1924 году он смог поехать в Америку, и Сорокин, уже ставший там профессором, предлагал ему занять место на кафедре, но он отказался, потому что хотел работать в России, где ему удалось немало сделать.

Теперь я перехожу к кризисам — почему я вообще о Кондратьеве заговорил. Ему удалось решить проблему кризисов: понять, отчего они возникают, как протекают и каким образом выходить из кризиса. Сделал он это следующим образом. Он начал работать над этой сложной и необходимой задачей сразу после революции, в 1919 году, и работал в течение нескольких лет. Уже в 1925 году он напечатал основные результаты своей работы, проделанной вместе небольшим коллективом, примерно в пятьдесят человек, специалистов в разных областях. Это были сотрудники созданного в 1921 году Конъюнктурного института, директором которого он был семь лет, до 1928 года, когда началась его травля. За это время руководимая им группа математически точно подсчитала (а тогда не было компьютеров, это огромная ручная работа многих людей) основные статистические характеристики производства, самые разные факторы, которые на него влияют: стоимости, цены и т. д., — для всех крупных капиталистических стран, начиная с XVII века. XVII век — это начало того, что мы назы-

ваем научно-технической революцией (сейчас поясню, почему так считал Кондратьев и мы сами так считаем). Так вот, в капиталистически развитых странах, таких как Голландия, Англия, Франция, Германия, Испания, Соединенные Штаты, с XVII до начала XX века было подсчитано, как развивается производство, наука и техника и как возникают кризисы. Оказалось, что кризисы подчиняются строгой математической закономерности, открытой Кондратьевым. То, что я вам рассказываю, очень интересно, и если бы наше образование совсем молодых людей было поставлено правильным образом, то вам в школе должны были бы преподавать некую науку о математических основах истории. Но, к сожалению, эту науку не прошли не только вы, но и руководители

разных стран, здесь я не хочу обвинять только нашу страну. Руководители разных стран, которые иногда встречаются друг с другом, отличаются таким блаженным неведением. Все это, как вы увидите, не очень большая хитрость. Вы могли бы довольно быстро этим овладеть, если бы это преподавали в школе. Но в школе этого не преподают, и руково-

дители разных капиталистических государств, включая Россию, этих азбучных истин, открытых Кондратьевым, пока не обязаны знать. Пока, потому что я надеюсь, постепенно ход истории, возникновение новых и новых кризисов заставит людей понять, что надо все-таки этому научиться. Пока они еще только начинают понимать.

Посмотрим на то, что же открыл Кондратьев. С чего начинается вообще современный капитализм? Первой из капиталистических стран я назвал Голландию. Что там произошло? Была открыта возможность создать паровую машину. Это, конечно, результат определенного уровня развития науки. Большое открытие, которое позволило создать определенный вид энергии и использовать его в техническом сооружении, в этой паровой машине, таким образом, что существенно увеличилась энергетическая мощь общества. Это привело к увеличению производства и, разумеется, к большому увеличению того, что люди зарабатывают. А к тому же в это время становится очень популярной религиозная идея, которую связывают обычно с именем Кальвина, одного из крупнейших представителей религиозной Реформации в Западной Европе. Кальвин создал такое учение, особое направление внутри христианства, названное кальвинизмом по его имени. Согласно этому учению, Богу угодно, когда мы становимся богатыми, это не противоречит благочестию. Между прочим, в русском языке, как вы сейчас заметили из того, что я говорил, слова «Бог» и «богатый» родственны, хотя у нас в России, в нашей православной церкви возникали на эту тему разные мнения и споры. Но язык скорее говорит в пользу Кальвина. Так вот, Бог не противился тому, чтоб люди богатели, а техника с открытием паровой машины этому помогала.

Как долго новое изобретение может помогать людям зарабатывать деньги? Это очень важный вопрос,

Кризисы подчиняются строгой математической закономерности. Если бы наше образование было поставлено правильным образом, в школе должны были бы преподавать некую науку о математических основах истории

важнейший для ответа на то, о чем я с самого начала спрашивал: зачем нужна наука. В грубой форме я бы сказал так: наука нужна потому, что при таком типе устройства общества, который принят в большинстве стран и сейчас принят в России, то есть при капитализме, нужно, чтобы люди зарабатывали всё больше и больше, иначе наступает кризис, а чтобы достигнуть этого, надо непрерывно совершенствовать технику, потому что старой техники, старых технических изобретений хватает не очень надолго. Они как бы исчерпываются. Скажем, все, что можно извлечь из паровой машины, было извлечено, в течение примерно 25 лет.

Одна из основных идей Кондратьева состоит в том, что кризисы происходят в правильные промежутки времени, а объясняет он это довольно просто. Люди делают какое-то хорошее изобретение или несколько изобретений, внедряют их в производство, производство приносит прибыль капиталистам, а те, если они разумные капиталисты, делают так, что все, кто у них работает, получают больше; все общество в целом чувствует, что жить становится как-то интересней; но эти возможности исчерпываются.

Каким должно быть правильное устройство капиталистического общества? Нужно все время следить за тем, как развивается наука, помогать и, когда делается перспективное научное изобретение, которое хорошо было бы приложить к практике, — внедрить, сделать его массовым достоянием, построить много заводов на его основе, дать многим людям заработать на нем, — то нужно делать это быстро. То есть задача заключается в том, чтобы ученые развивали науку, а те, кто занимается ее инженерным приложением, делали это разумным образом, так чтоб это дало возможность обществу двинуться вперед. А для этого нужно оценить это изобретение и вложить в него соответствующие деньги.

Замечательное открытие Кондратьева заключалось вот в чем: он обнаружил, что общества сами регулируют себя таким образом, что в момент, когда начинается экономический спад, в правильно устроенном обществе увеличивается количество интересных изобретений, а также находятся люди, способные эти изобретения оценить и понять. И здесь возникает удивительная и сложная проблема смены поколений. Кондратьев утверждал, что, как правило, старшее поколение не очень способно оценить новое изобретение. Я думаю, что я как раз довольно нейтральный и незаинтересованный лектор, чтобы на эту тему рассуждать. Мне только что исполнилось 80 лет, и, значит, теоретически я должен принадлежать к тем поколениям, которые очень плохо разбираются в новых изобретениях. Тем не менее я настаиваю на том, что это очень глубокая и интересная мысль, которая, к сожалению, особенно важна для России.

Тё из вас — я обращаюсь сейчас к младшей части слушателей, — кто внимательно читал учебники, могли обратить внимание на то, что учебники по разным

дисциплинам, изданные в нашей стране, особенно некоторое время назад, очень любят повторять, что больше всего открытий было сделано в России. Оказывается, и радио у нас изобрели, и много разных вещей, на которые претендуют изобретатели других стран. Может возникнуть вопрос: почему же, если в России так много всего открыто и изобретено на протяжении многих поколений, она до самого недавнего времени не принадлежала к числу процветающих стран? Про Соединенные Штаты легко сказать, что это процветающая страна, потому что она использовала многие новые открытия. Эдисон, который жил в Америке, много всего изобрел, и это сказало на том, как бурно развивалась американская техника, а потом американская промышленность. А у нас было немало не худших представителей науки и техники — что же у нас происходило? У нас в России очень умеют не обратить внимания на крупное открытие. Более того, очень умеют преследовать человека, который сделал крупное изобретение или открытие. Я недаром начал с рассказа о биографии Кондратьева. Он великий человек и сделал открытие, которое, вообще говоря, позволило бы избавиться от кризиса, можно было бы и не вступать в кризис, если бы этому открытию следовать, а что у нас сделали? За-

крыли институт Кондратьева, а его самого замучили пытками и всякими чудовищными негодяйствами, а потом расстреляли по списку, который подписал сам Сталин, главный тогда человек в государстве. Значит, у нас главные люди в государстве заняты тем, что систематически убивают тех, кто делает крупные открытия. И в этом смысле Рос-

сия, к сожалению, страна с очень тяжелым прошлым. Мы должны это знать, то есть знать не только то, что в России было сделано много открытий, но и то, что судьбы многих из тех, кто эти открытия делал и продолжает делать, очень тяжелы и что эта традиция продолжалась еще и в XX веке... я надеюсь, в XXI в такой мере этого не будет; поживем — увидим.

Итак, каков ход развития науки? Вряд ли многие из вас уже точно знают, что такое квантовая физика и чем она отличается от предшествующей, скажем, от механики Ньютона. Но все-таки в газетах, в журналах вы встречаете упоминания о квантовой физике как физике XX и XXI века, поэтому вас может заинтересовать то, что я сейчас расскажу. Первым, кто ввел понятие кванта, некоторой отдельной, ненепрерывной величины, послужившей основой многих наук XX века, первым, кто перешел к изучению прерывных, дискретных явлений, был Макс Планк. И однажды его спросили: «Скажите, как вам удалось объяснить вашим коллегам и другим ученым, что надо принять понятие кванта? Они же привыкли к непрерывным вещам, а вы ввели нечто новое». Его ответ был удивительным, он на это сказал: «А я никого не пробовал убеждать. Просто все те, кто были со мной не согласны, умерли». Довольно страшно. Это, конечно, не значит, что Планк способствовал их смер-

Когда начинается спад, в правильно устроенном обществе увеличивается количество изобретений и находятся люди, способные эти изобретения оценить и понять. И здесь возникает сложная проблема смены поколений

ти, это обычный процесс смены поколений. Люди могут не обязательно умирать, а просто переставать работать, выходить на пенсию и т. д., но так или иначе в науке, технике, производстве очень важно обеспечить разумную смену поколений, потому что только новое поколение сможет оценить новые открытия. Примерная длительность того, что Кондратьев называл повышательной волной, то есть периода, когда идет новое открытие, и волны понижающей, когда исчерпываются его возможности, — это 25 и 25 лет. То есть в среднем цикл длится 50 лет.

Ну, нас от последнего такого же мирового кризиса отделяет около 75 лет. Большой перерыв был после 1929 года. По Кондратьеву можно было рассчитать возникновение разных кризисов. Если сравнить реальные колебания цен в Соединенных Штатах и теоретические расчеты по Кондратьеву, мы увидим, что, в общем, кривые почти совпадают. Конечно, реальные показатели не точно повторяют схему, все эти отклонения можно объяснить, но я сейчас не буду вдаваться в подробности. Заметьте, если бы, как я говорил, в школах проходили эту науку, то было бы азбучной истиной: раз волна цен идет вверх, ждите, что она оборвется, и можно даже предсказать, когда именно. Наличие циклов — безусловный факт, они вызывают кризисы, а вся хитрость заключается в том, чтобы быть к этому готовыми и понимать, что выйти из кризиса можно только одним способом — никакого другого способа нет! Нужно развивать науку, оценивать, какие научные открытия могут оказаться приложимыми к разного рода практике и внедрять их, вложив в это деньги, которые еще притекают в первом периоде цикла. Финансовые трудности у вас возникнут потом, но вы должны уже успеть запустить тот механизм, который вас выведет из кризиса. Это ровно то, что не было сделано в большинстве стран мира, но когда все-таки удалось в недавнее время выбрать более молодого, более образованного и как будто в некоторых отношениях более разумного президента Соединенных Штатов Обаму, у него оказалось несколько помощников, которые знают, что наука, опирающаяся на волны Кондратьева, нужна. Правда, не в такой мере, чтобы внушить это представителям фирм, которые на самом деле занимают огромное место в правительстве, более влиятельны в конгрессе, лоббируют выгодные для людей законы и хотят сразу получить деньги, а не направлять их на будущее развитие. Тем не менее Обама все-таки пришел к власти и заявил, что будет способствовать развитию науки. Так это на словах, но пропущено уже много времени... не буду, впрочем, говорить о том, какие претензии можно предъявить к Соединенным Штатам, всегда легко критиковать других.

Так или иначе, что-то вроде того, о чем я вам рассказываю, постепенно все-таки просачивается в среду тех, кто занят поисками выхода из кризиса. Это не абсолютная утопия, в некоторых странах, вероятно,

будут предприняты попытки серьезного обновления техники. Я вам приведу, пожалуй, только один очень простой пример. Думаю, всем вам хорошо известно, что можно конструировать роботов, которые способны выполнять грубую физическую работу вместо человека. Основой для разработки роботов в большой степени послужили труды нашего выдающегося физиолога Николая Александровича Бернштейна, который еще в тридцатые годы, то есть семьдесят лет назад, создал общую теорию движения человека. Роботы сегодня используются в космических исследованиях, но вы понимаете, что это также реальный способ замены тяжелого физического труда, скажем, шахтеров, которых, безусловно, уже сейчас можно заменить подобными устрой-

ствами. Но в большинстве стран мира они все-таки не используются по разным причинам, в частности, социальным. Да, тяжелейший шахтерский труд приводит к мучительным болезням, силикозу и т. д.; я ездил по шахтам, в частности, был в той шахте, где когда-то трудились декабристы, и должен сказать, что оказаться в этих, как писал

Выйти из кризиса можно только одним способом — оценивать, какие научные открытия могут оказаться приложимыми к практике и внедрять их, вложив в это деньги, которые ещё притекают в первом периоде цикла

Пушкин, «мрачных пропасть земли» — страшная вещь. Лучше бы действительно этим трудом занимались роботы. Но сколько людей зарабатывает им на жизнь, надо обеспечить все эти семьи, платить пенсии и т. д. Это колоссальные затраты для общества, и оно предпочитает пока не использовать вполне доступную технику. Замена все равно произойдет, в Японии уже есть большие проекты использования роботов, там не хватает населения, и нужно как-то это восполнять, есть такая необходимость. Постепенно это произойдет во многих странах, но пока что надо дожидаться.

Есть и более интересные примеры. Если кто-то из вас заинтересуется, вы же, наверное, пользуетесь Интернетом, посмотрите такое английское сокращение *maglev, magnetic levity* — это способы передвижения над землей, полеты над землей, которые можно совершать с помощью огромных магнитов. Я нарочно привожу этот второй пример, имея в виду то, что основа для открытия сделана в России еще в 20-е годы тогда еще не выбранным в академики великим ученым, потом уже получившим за другие работы Нобелевскую премию, Петром Леонидовичем Капицей. Это он открыл некоторые особенности больших магнитов, но вот сейчас известно, что с их помощью можно решать задачи перемещения с огромной скоростью. В частности, это сделано сейчас в Шанхае, одном из крупнейших городов мира, вот там люди буквально перелетают из одного места в другое. В России подобные проекты пока не получили большого развития — это опять-таки отвечает общей картине: в 1925 году Капица сделал открытие, а в начале XXI века мы еще раздумываем, надо ли его применять, когда оно уже применяется в Китае и его собираются применять в других странах.

На этом я закончу первую часть своего рассказа.

(Окончание в следующем номере)

Особо агрессивные дети — чего ожидать, как обращаться

Не сомневаемся, что читатели будут рады снова встретиться на страницах журнала с Владимиром Львовичем Леви, одним из наших давних и верных авторов. В «Семье и школе» были опубликованы десятки его работ. В них читатели всегда находили и глубокий анализ сложных жизненных ситуаций, и убедительные, психологически обоснованные советы. Его трехтомник «Исповедь гипнотизера», изданный редакцией в девяностые годы, собрал тираж (сейчас это трудно себе представить) в десятки тысяч экземпляров и до сих пор пользуется популярностью. Конечно, сейчас его не купишь, но легко отыскать его в Интернете. Впрочем, в Интернете у Владимира Львовича есть теперь свой сайт — levi.ru. Войдя на него, можно вступить в контакт с автором, познакомиться с разными сторонами творчества замечательного писателя, врача, психолога, узнать о его новых книгах, получить ответы на всевозможные вопросы.

С тем, что размещается на сайте, вы сможете теперь ознакомиться и на страницах журнала. Здесь — один из материалов, которые возникают из переписки с читателями. И к автору обращаться вы сможете теперь, посылая свои письма, если вам так удобнее, на адрес журнала (электронный или почтовый). Мы непременно передадим их Владимиру Львовичу.

Получил письмо матери с рассказом о ее трехлетнем сыне, спонтанно агрессивном. Сперва он кусался, потом начал всех бить, драться, детям в детском саду от него спасу нет. При этом здоров, развивается нормально умственно и физически. Интеллигентные родители в растерянности, чувствуют себя виноватыми. Уже из двух детских садов ребенка по требованию других родителей пришлось забрать. На детских площадках, в песочницах — всё то же самое, сплошная проблема. Пытается иногда нападать даже на старших детей...

Вот что я отвечал матери в своей интернет-рассылке...

Анна, винить Вам себя не в чем — такой жребий выпал, билет в лотерею природы. Таких, как Ваш сын, из каждых 50 детей — один-два. Дети с врожденной спонтанной агрессивностью, драчуны, забияки. Как правило, это мальчики. (Если драчлива девочка, больше подозрений на какое-то отклонение, хотя и здоровые девочки тоже бывают злые и приставучие. Повышенная агрессивность девочек, могущая в совсем раннем возрасте проявиться той же кусачестью, вскоре избирает другие пути выражения — активней рук становится язык.)

Тут пока что не столько психология работает, сколько биология. Если наблюдаете за выводком цыплят, за пометом щенят или стайкой мальков, то почти наверняка увидите, как один экземпляр из этой мелюзги то и дело набрасывается на остальных, всех гоняет. И вскоре все его начинают бояться, почтительно обходят, уступают без боя еду и прочее — вступает в силу уже зоопсихология: статусные ожидания.

Важно знать: самые воинственные особи, наполеончики и среди детенышей, и среди взрослых, — далеко не всегда физически самые сильные, но их всегда такими считают другие! Внушающее воздействие наглости, напора, самоуверенности. Цель зоологического агрессора не уничтожить свое окружение, не повредить кому-то, а всего лишь пробудить у того инстинкт самосохранения — запугать. Никому из угнетаемых не приходит в голову укротить наглеца — ни индивидуально, ни коллективно, всем скопом, — это было бы так легко!.. В досознательных сообществах каждый за себя, каждый одинок, и у массы людей, слабых духом, — так же...

Если же находит коса на камень — драчуну попадается другой такой же драчун, наполеончику — наполеончик, завязывается война, постоянные жестокие стычки, и тут уже возможен серьезный исход. Но чаще — скоро ли, долго ли — кто-то уступает, сдается, и победитель становится Номером Первым — маленьким паханом. С большой вероятностью (но все же не стопроцентной) статус этот сохранится за ним и во взрослости. Судьба уступившего первенства под вопросом: либо станет Номером Вторым и будет, боясь только

Первого, еще пуще терроризировать всех остальных (и подавлять миг отомстить Первому, скинуть его с престола); либо сольется с прочей трусливой массой, станет серым середнячком; либо — нередкий исход — опущенный падет ниже всех, станет первым с другого конца — Омегой.

Всё то же — среди волчат, ягнят, обезьянышей... Доминантные особи (ДО) — генетические агрессоры — рождаются в определенном проценте у очень многих видов животных, и мы, увы, в их числе. Генетическая программа ДО нацелена на установление господства на своей территории и наивысшего статуса в сообществе себе подобных (стае, стаде, клане, семье). Агрессия ДО направлена преимущественно по горизонтали — против особей своей возрастной и весовой категории. Детеныш нападает на детенышей, подросток — на других подростков, может пробовать на зубок и тех, кто повзрослее. Но тех, кто явно старше, больше и сильнее, благо-разумно обходят. Не трогают, как правило, и намного меньших, могут даже им покровительствовать, брать под защиту.

Все это соответствует природному принципу родовой выживаемости. И можно понять, почему в каждом поколении обязательно рождаются ДО, однако процент их мал. С одной стороны, у ДО преимущество: власть над сородичами дает им возможность оставить наиболее многочисленное потомство, переправить свою наследственность в следующие поколения. А с другой стороны — безжалостное давление конкуренции: в жестоких боях за власть между ДО поколения за поколениями выживали лишь единицы.

Такой вот пережиток природы не сет в себе человечество. И ваш ребенок, видимо, — из породы ДО.

Понимаю, от диагностики не легче, хочется знать, как приспособить природу к цивилизации.

Положение — как шахматный цугцванг: и так нельзя, и эдак не можно. Недопустимо, чтобы от вашего ребенка страдали другие дети. Невозможно и держать его взаперти, в изоляции или водить на цепочке. Жестоко наказывать, за битье других — бить?.

Метод старый как мир, в какой-то степени действенный, но и более чем сомнительный. При грозных взрослых в открытую, может быть, нападать на других детей перестанет, зато в отсутствие...

Вы, как я понял, своего ребенка пока не наказываете, стараетесь только сдерживать. Результаты видите сами. К тому дело идет, к сожалению, что на какое-то время без физического воздействия в критические моменты не обойтись — даже Януш Корчак иной раз бил маленьких зверенышей по рукам. Делал это с горьким сознанием правоты и мукой душевной...

Безнаказанность обучает злу. На время, пока несмышлениш мал, пока дочеловеческая природа его еще не может получить противовеса в нездрослом сознании, отваживание от агрессии наказанием, насильственная выработка тормозов — из худшего менее худшее. Но на одних наказаниях далеко не уедешь или уедешь не в ту сторону...

Есть ли вообще шансы, что проблема решится — вероятность, надежда, что усиленная агрессивность ребенка если не исчезнет совсем (так практически не бывает), то уменьшится до выносимых пределов, или станет более контролируемой в проявлениях, более сдерживаемой, управляемой?..

Да, вероятность есть, надежда реальная. Шансы дает время. Развитие — включение других генетических программ, созревание сознания и самоконтроля. Воспитывающая среда и уроки жизни — а они будут обязательно и могут быть очень суровыми, раньше или позднее...

Изменения к лучшему могут произойти. Только не сразу. И не во всех случаях. Мои наблюдения над агрессивными детьми из породы ДО и другими подразделяются на профессиональные и сугубо личные. Последние менее систематизированы, зато более прочувствованы. Как и большинство моих сверстников, я страдал от агрессоров, водившихся среди нас, сам таковым не будучи. Я любил дружить, а не драться, и драчунов просто не понимал, они заставляли меня врасплох, я терялся. Во дворе и в классе нашем, где учились одни мальчишки, было всего двое-трое таких бичей общества, еще парочка в параллельных классах, но их хватало на всех. Хватило и на мой детский невроз: одно время я думал, что я трус, не мог с этим смириться...

С одним из своих дворово-школьных учителей неожиданно подружился, и на всю жизнь.

Сначала, еще до школы, он регулярно бил меня, пяти-шестилетнего, во дворе. Бил не только меня, но меня почему-то с особым усердием. Потом мы оказались в одном классе, и там он свое дело продолжил. Я наконец как-то раз озверел и побил его — оказалось, что я сильнее. Он не успокоился: в одиночку уже не лез, но собирал оравы сорванцов и натравливал на меня: по дороге из школы они окружали и били меня портфелями по голове и ногами по ногам, очень больно. Я опять потихоньку озверел, подловил однажды его одного, повалил на мостовую и с полминуты на нем посидел, но не бил, злобы уже не было. Отпустил. Он поднялся и, мигая и всхлипывая, протянул мне руку: «Давай дружить». — «Давай».

С того мига мы душевно не разлучались и ни разу не ссорились: первый враг стал и первым другом. Дрались только в шутку: дома кидались подушками и боксирами. Потом, подростками уже, вместе пошли в секцию спортивного бокса.

Любопытно: вскоре после нашего примирения Яшка мой резко вдруг смирел, снатырная ненасытная агрессивность сменилась широким дружелюбием и добродушием. Омегой не стал, отнюдь: и себя в обиду не давал, и за слабых заступался, обидчиков колотил крепко, в ярости мог покалечить... Далеко потом, взрослый уже, растолстевший и благодушный, по пьянке мог иногда вдруг проявить неадекватную злобность к посторонним (к друзьям — никогда), затевал драки, приходилось утаскивать. Агрессивность — ДО программа раннего детства, стало быть, никуда не делась — но нечто надстроилось над нею: человеческая программа.

Как-то, в солидные уже годы, в дружную историческую эпоху, когда дети наши уже вовсю подвергались тем же испытаниям, и похуже, я спросил Яшу:

— Зачем ты меня бил? Можешь вспомнить? За что?

Прищурился, ухмыльнулся.

— За то, что живешь. Чтобы жизнь не казалась медом, как в армии. Тренировал на жизнь. На эту вот жизнь...

— А-а, спасибо, — ответил я и кинул в него подушку.

Судьбы и характеры других жизнетренеров моего детства в подробностях мне не известны.

Один в школе не доучился, рано стал уголовником, получил срок и пропал. Другой класса с седьмого превратился в пай-мальчика, чуть было не вышел на медаль, потом сделал нехилую комсомольско-партийную карьеру, стал замминистра, членом ЦК... Третий, низкорослый, но сильный, атлетического сложения парень, очень прыцавый, тоже постепенно утихомирился, перестал драться, но остался злым на язык, при этом ярко выраженным антисемитом. По-

ступил в военное училище, дальше не знаю. Еще один учитель-мучитель, которого, после долгих его приставаний и издевательств, мне довелось опустить в уличном поединке, годам к двадцати пяти спился и дни свои закончил в психушке.

Само собой разумеется, этих моих частных заметок для каких-то серьезных выводов о судьбах детей-агрессоров недостаточно. Недостаточно даже и последующих профессиональных наблюдений, исчисляемых сотнями случаев. Изучить надо во всех подробностях и со всех сторон — сотни и сотни тысяч, по всему миру.

Настоящего, капитального научного исследования особо агрессивных детей, многолетнего прослеживания их развития и судеб, насколько известно мне, до сих пор не проведено.

Я же могу пока сообщить, что, по моим ограниченному данным, маленькие агрессоры, подобные Вашему, Анна, сыну, в большинстве случаев перерастают свою детскую ДО-программу и, понабивав энное число шишек другим и себе, более или менее успешно вписываются в обычную (точнее, российскую) жизнь. Уже к шести-семи годам может произойти существенная подвижка к адаптации, к двенадцати — еще вероятнее. Но придется Вам запастись терпением, решительностью и изобретательностью...

Темпераменты и характеры у бывших забияк получаются разные — и активные, энергичные, волевые, холерические — при том, конечно же, вспыльчивые, взрывные — и уравновешенные, веселые и с ленцой, сангвинические или ближе к флегме, или даже меланхолические, но это гораздо реже. Некоторые проявляют недюжинные способности, от спортивных до математических (реже — гуманитарные). Все вроде бы налаживается, но нужна осторожность. Агрессивность почти у всех бывших маленьких ДО таится в подспуде и может — если нажмется красная кнопка (например, ревность плюс алкоголь), подвергнуть опасности жизнь окружающих и их собственную. Минное поле...

Бывают и случаи, когда ранняя неумная агрессивность оказывается ведущим признаком психопатических и/или криминальных наклонностей. Случаи, когда над ранней генетической ДО-программой ничего путного не надстраивается... Некоторые имеют в основе хромосомную аномалию (удвоение игрек-хромосомы), некоторые — мозговую органику (эпилепсию в том числе, явную или скрытую), некоторые — непонятно что... Ваш мальчик, Вы пишете, здоров, и все же я пожелал бы Вам хорошо обследовать его психоневрологически, эндокринологически и цитогенетически. Не повредит...

Вот еще мои Вам пожелания на сегодня и на ближайшее будущее (год-два).

— Как бы ни было тяжело и вам, и другим, не лишайте сына общества других детей, делайте новые и новые

попытки научить его общаться без драк. Не отступайтесь от этой цели и твердо верьте в успех. Не получается пока в детском саду — водите на площадки, в компании друзей и т. д.

— Каждый раз, когда сын при вас ни с того ни с сего нападет на другого ребенка, ударит — моментально, без разговоров, бейте его по рукам так, чтобы он почувствовал боль. Если продолжит драться — оттащите в сторону, возьмите за шиворот, приподнимите, чуть подержите и хорошенько встряхните; потом, продолжая держать, опустите. Если будет вырываться, брыкаться — повторите воздействие, встряхните сильнее — это архетипический сигнал зарвавшегося младшему от Сильного Старшего.

— Даже всего лишь пятиминутное спокойное общение с другими детьми без драки считайте поначалу большим достижением — и хвалите за него мальчика, одобряйте, показывайте, что Вы радуетесь.

— Если драка затевается по инициативе другого ребенка — не вмешивайтесь. (Если, конечно, не происходит чего-то опасного.)

— Если сын отнимает у другого ребенка игрушку, но не дерется, наказывать его не надо, но твердо потребуйте, чтобы игрушку вернул. Если не отдает — отнимите и отдайте сами. Если начинается протест, сопротивление, драка — уведите, дайте немного остыть, а потом возвращайтесь как ни в чем не бывало. Дальше по ситуации.

— Старайтесь показывать ребенку только самые мирные и спокойные фильмы и мультики, где персонажи не дерутся, а дружат, играют и забавляются («Смешарики», «Лунтик»).

— Читайте с ребенком как можно больше хороших детских книжек, в которых описываются милые и забавные

существа, с их забавными мирными приключениями («Винни Пух»).

— В доме как можно чаще должна звучать спокойная классическая и веселая музыка, ничего резкого, воинственного, грубого, диссонансного.

— При возможности держите дома животных, приучайте к любви к ним, любите их вместе.

— Как можно больше движения, спорта, разнообразных физических занятий — до утомления. Интенсивное движение снижает агрессивность, «сжигает» ее. Особенно хорошо — плавать. Как можно больше! Вода гасит огонь — и снаружи, и внутри.

— Танцуйте с ребенком, учите его танцевать.

— Пусть как можно чаще рисует, лепит, занимается конструкторами, творит... Но обязательно в чередовании с интенсивными физическими нагрузками.

— Устраивайте импровизированные домашние спектакли, в которых у ребенка были бы разнообразные роли, но преимущественно мирные, созидательные. Домашний детско-взрослый театр — это целый мир и целая наука, займитесь этим с помощью интернета и книг, и Вы откроете для сына и для себя кладезь психологических чудес!

— Как можно больше красоты.

— Как можно больше юмора!

— Каждый вечер, минут через 15–20 после того, как ребенок уснет, проводите с ним, спящим, родительский гипноз, он же гипнопедия — внушение в естественном сне.

Да, именно в этот промежуток времени, когда так называемый быстрый сон начинает сменяться медленным, более глубоким, можно, минуя спящее сознание, обращаться непосредственно к подсознанию: Ваше обращение будет слышаться и усваиваться без просыпания.

Тихонько подойдите к ребенку, наклонитесь над ним. Дотроньтесь рукой до плеча, осторожно погладьте по голове... Руку можно не отнимать, оставьте в соприкосновении...

Ребенок может пошевелиться, заворочаться, что-то пробормотать, может и не среагировать, продолжать спать спокойно — неважно, связь уже есть, ваше присутствие воспринято.

Можно начинать внушение.

Тихо, размеренно и внятно, с теплой и уверенной интонацией говорите ребенку то, чего вы ему желаете. Каким стать, каким быть. Как чувствовать себя. Как относиться к другим и себе...

Все утверждения должны быть краткими, простыми, понятными. И все — только положительными, без употребления «не». Утверждаться должно с опережением то, чего пока еще нет, что только еще должно быть — и что, как Вы твердо должны сами верить — уже совершается, уже начинается, уже происходит. В этой опережающей вере — вся тайна действенности, вся суть внушения.

«Ты хорошо играешь с ребятами, мирно, дружно, ты молодец. Тебе нравится играть с ребятами и дружить. Ты хороший, ты добрый. Ты дружишь с ребятами. Тебе весело играть с ними. Ты любишь играть спокойно, любишь дружить. Тебе нравятся ребята. Ты всем нравишься, все тебя любят. И я люблю тебя... Спи, мой хороший...»

Не перегружайте, не говорите слишком много за один раз, не старайтесь сказать сразу все желаемое. Лучше понемножку и только самое главное. Каждый вечер, изо дня в день.

В сущности это молитва. Душа ребенка — ваш храм. Если истинно веруете и полностью сосредоточены, молитва дойдет: «По вере вашей да будет».

12 межрегиональная специализированная выставка

23-26 марта **ОБРАЗОВАНИЕ**

от А до Я

КАРЬЕРА

- Образовательные учреждения
- Ярмарка вакансий для выпускников
- Обеспечение учебного процесса
- Карьера

620072, Екатеринбург, ул.Высоцкого, 14
(343) 347-45-05, 348-25-55
jkovenko@kosk.ru, www.kosk.ru

Коллекция гимназиста

Лия Осипова

Театр абсурда

В биографии Антона Павловича есть одна подробность, на которую обыкновенно не обращают внимания: еще в гимназические годы он коллекционировал письма. В одном из первых дошедших до нас писем (оно адресовано в Москву двоюродному брату Михаилу Михайловичу Чехову и датировано 7 декабря 1876 года) Антон просит передать другому двоюродному брату и двоюродной сестре Елизавете просьбу начать с ним переписку: «Скажите, что на юге у них есть брат, который собирает коллекцию разнородных писем». Об этой коллекции знал старший брат Александр, он подозревал, что некоторые из его писем для передачи Марии Францевне, его таганрогской возлюбленной (сам он уже несколько лет учится в московском университете), могут попасть в эту коллекцию, и не без ехидства на это намекает: «Прими от души полную благодарность за передачу письма М. Ф. (если оно только не попало в твою отплатку)».

Как известно, Антон Павлович отличался большой аккуратностью и в течение всей жизни хранил письма, которые получал от разных адресатов. Это была наследственная черта: так же поступал и отец Павел Егорович. Но в гимназические годы Антон отбирал письма; на полях некоторых следы проколов: значит, он подшивал их, они и образовали его коллекцию. По какому принципу отбирал? Он сам ответил на этот вопрос: «разнородные». Этот эпитет допускает, что интерес к письмам был литературный. Если так, то появляется возможность каких-то открытий, пусть самых скромных, — ведь о начале творчества Чехова мы знаем крайне мало. Большинство писем Антона Павловича этого времени из собрания чеховской семьи таинственным образом исчезли. Весьма туманно наше представление об истоках, влияниях, стимулах, ауре самого начала. Да и когда было это начало?..

В первом томе полного собрания сочинений и писем А. П. Чехова в тридцати томах (серия «Письма», издательство «Наука», 1974) под номером 13 опубликована приписка Антона к письму тетки Федосьи Яковлевны Долженко (от 20 июня 1878 года), адресованное в Москву Павлу Егоровичу и Евгении Яковлевне Чеховым:

«Дозволено цензурой, с тем, чтобы по отпечатании в цензурный комитет было доставлено законное число экземпляров.

Цензоры: Папа Лев XIII. Бисмарк. Осман Паша. Архимандрит Феофилакт с братиею. Иван Чехов; Грек злое мое произволение-с. Шах Наср-Эдин; Барон фон Горой-его-положь. Музиль. Наутилус. Абдул-Гамид».

Приписка загадочная. В комментариях сказано, что «злое мое произволение» и «горой его положь» — выражения матери, Евгении Яковлевны, когда она была недовольна Павлом Егоровичем. На этом комментарии исчерпываются. Чтобы прояснить смысл приписки, пришлось найти в архиве Российской государственной библиотеки оригинал письма тетки Антона.

Но сначала немного об обстоятельствах жизни чеховской семьи в то время.

За исключением Антона и Федосьи Яковлевны все перебрались в Москву. Обанкротившийся Павел Егорович тайно покинул Таганрог еще в 1876-м, поселился со старшими сыновьями, учившимися в Москве. Вскоре к нему присоединилась жена Евгения Яковлевна с детьми Мишей и Машей, еще через год приехал Иван, не желавший закончить гимназический курс. На Федосью Яковлевну и Антона был оставлен дом, вскоре купленный чиновником Селивановым. Антон был репетитором племянника Селиванова Пети Кравцова, а тетку Селиванов попросил выселиться. Она снимает жалкий угол за рубль, подрабатывая мелочной торговлей на рынке. Но торговля не идет. Сына ее Алексея Антон отправил в Москву, попросив двоюродного брата устроить его в амбар купца Гаврилова. Начинает собираться в Москву и Федосья Яковлевна. Чеховы не сразу соглашаются на ее приезд: живут они впроголодь, ютятся в одной комнате впятером, спят на полу. Но решиться на отказ не смогли. О предстоящем переезде и пишет Федосья Яковлевна.

Пишет она старательно, крупно, как все малограмотные люди, слова и предлоги сливаются, знаками препинания она пренебрегает. После длинных приветствий всем членам семьи обращается к Павлу Егоровичу: «Вы меня очень порадовали что хозяин наш (*имеется в виду купец Гаврилов — Л. О.*) такой милостивый и добрый и что Алеша всех слушается всегда прошу царицу небесную чтобы Алеша понимал свое дело и умел бы угождать всем и вас прошу братец родненькой учите его будьте отцом ему и Михала Михалыча прошу не оставьте Бога ради моего Алешу.

Поздравляю вас братец с предверием вашего ангела... Я очень вас благодарю что вы мне написали так что я не буду вам в тягость когда приеду к вам... Антоша мне сказал чтобы я ехала к вам в первых числах июля. Я его упрасываю чтобы ион ехал так говорит что ему нельзя петя будет экзамен сдавать... свочка напиши мне чего вам привезть хоть понемножку маслины и алвы привезу напиши чего понемножку...»

Письмо Федосьи Яковлевны сохраняет естественную интонацию живой речи. Ее безграмотность оборачивается своего рода достоинством: она пишет, как говорит, исключения составляют только некоторые обязательные формальные обороты. Говорит она на одной ноте, быстро, как это принято

в южных губерниях, почти без пауз, сливаются и слова и мысли, нет ни начала, ни конца. Вот уж простилась, поставила подпись и число. И снова: «Ивана Иванович сказал мне, что послал пачпорт на какого-то морозова напишите получилили вы не дай Бог как затеряют и незнаю выдадут ли другой...»

Ее сетования, оборвавшиеся на какой-то высокой ноте, как бы припечатываются припиской Антона. Сама по себе приписка — образчик речи казенной, некий утвержденный штамп. Врываясь в живую речь, исполненную трепетной благодарности и смирения, эти тяжелые казенные слова образуют контраст, который нам что-то напоминает. Конечно, это обычная чеховская манера кончать серьезный разговор шуткой, иронией. И в переписке мы встречаемся с этой манерой, и в сочинениях. Можно представить, что перед нами некое неизвестное литературное произведение. Возразят, что это игра воображения. Но ведь сам Антон Павлович уверяет нас, что письмо тетки — это не письмо, а некое сочинение в форме письма, дозволенное цензурой и отсылаемое в печать. В сущности, весь смысл приписки именно в этом — представить письмо тетки образчиком творчества, принятого к печати. Для путника тетка — комический персонаж, в ней все узнаваемо: ее характер, манера писать, ее интонации...

Согласимся, со стороны гимназиста довольно безжалостно таким образом выставлять родную тетку. Что называется, «ради красного словца не пожалеешь ни мать, ни отца...». Впрочем, тетка едва ли поняла смысл приписки. Да и родители решили, что Антон опять «чудит». Предназначалась приписка для старших братьев, которые были участниками и зрителями семейного театра.

Немного о самой приписке. Стоит присмотреться к членам цензурного комитета, придуманного Антоном. Кто они? Большинство имен нам ни о чем не говорит, они кажутся наспех сочиненными, неожиданно оказавшимися в одной компании. Между тем именами этих людей пестрят газетные страницы того времени (по словам Михаила Павловича, «безобедный» Антон выписывал в Таганроге газету «Сын отечества»). Это высокого ранга политические деятели. Совсем недавно — в том же 1878 году — избран на папство Лев III; об Абдул-Гамиде, получившем прозвище «кровавого султана», сообщают, что он начал жестоко расправляться со своими бывшими сподвижниками; Осман Паша назначен военным министром (это он командовал турецкими войсками во время осады Плевны, сдал ее, отбив три атаки русских войск); железный канцлер Бисмарк издает «исключительные законы»... И вдруг среди имен этих политиков появляется фантазматический Грек Зломоепроизволение-с и Барон фон Горойегоположь (в оригинале написание слитное); здесь же безграмотный малолетний Иван Чехав (именно так и написана фамилия); комический актер Музиль и Наутилус — приятель старших братьев, получивший странное прозвище...

Какое немыслимое сочетание, фантастика, абсурд!.. А если отнестись к этому цензурному комитету как к замыслу маленького театра абсурда? Неосуществленному замыслу, некоему эскизу... Возразят: это шутка, всего лишь шутка гимназиста... Но уж очень лихо она придумана! В подлиннике

Здесь и на соседней странице сцены из спектакля «Платонов, III акт»...

можно заметить, что каждая фамилия написана на свой манер — будто разные актеры расписались за своего героя, за свою маску... Разумеется, это шутка, а может быть, и не шутка, как всегда у Чехова... Вот тут-то нас могут поймать на слове: Чехов еще не состоялся, только через год Антон кончит гимназический курс.

Но уже существует толстая рукопись, которую, по всей видимости, повезет в Москву со своим жалким скарбом Федосья Яковлевна. Посылается она на рецензию старшему брату. Тот долго медлит с ответом, потом в октябре 1878 года решается сказать горькую правду: «В "Безотцовщине" две сцены обработаны гениально, если хочешь, но в целом она непростительна, хотя и невинная ложь. Невинная потому, что истекает из незамутненной глубины внутреннего мирозерцания...» Речь тут о драме, которая под разными названиями («Платонов», «Пьеса без названия») через полвека с лишним пойдет на сценах российских и европейских театров в редакции известнейших режиссеров. Мог ли представить себе это Александр? Этого никто не мог себе представить. Длинная, многословная драма с зачастую трафаретно обрисованными персонажами, ломая все театральные законы, впервые отменяла фабулу, столкновение характеров как основу коллизии; вместо действия — «течение жизни». В этой драме ищут разгадку чеховского феномена, разгадку тех новых форм, которые открыл чеховский театр...

Гимназист с самого начала был дерзок, с самого начала был Чеховым, но его не поняли, и путь к себе оказался мучительным; нужно было много претерпеть, превозмочь...

Литература или игра в литературу?

Евгения Яковлевна пишет Антону: «Мы от тебя получили 2 письма наполнены шутками, а у нас в то время только было 4 коп. и на хлеб и на светло. Ждали мы от тебя, не пришлешь ли денег...»

Когда не было денег, Антон отделялся шутками. Иногда юмор его был черным. Так, он удивил родителей посылкой, которую нужно было разгадать как загадку: положил железную петлю, бублик, крючок для вязания и портрет Филарета Милостивого.

Переписка с Александром выдержана в дружески-шутливом тоне, который возможен только между близкими людьми. Оба были неистощимы на выдумки прозвищ, остроты, анекдоты, подсмотренные в жизни. Изошрялись, сочиняя их.

Вот обращения Александра к Антону: «О пресловутый отче Антоние!», «Велемудрый Антоние!», «Толстобрюхий отче Антоние, да возвеличит Господь твое чрево до величины осьмиведедного боченка и да даст тебе велий живот и добрый», «Бесселезеночный брат мой!», «Тридцать три моментально»...

Антон отвечал: «Маленькая польза!», «Разбойник пера и мошенник печати!», «Беззаконно живущий и беззаконно погибающий брат мой», «Инфузория», «Бедный, но благородный родственник»... (Это из писем московского периода.)

Антон был в восторге от писем брата, он говорил, что они художественны, что его эпистолярный дар намного выше литературного. Он ценил его как стилиста: ведь Александр мог сочинять письма за любого из родственников, он писал и в стиле

простолюдинов XVII века. Его письма, написанные за Павла Егоровича, невозможно отличить от подлинных. Когда Антон и Николай в 1880 году поехали на несколько дней в Таганрог и остановились в номерах, вслед им полетело послание: «Коля! Помни, что роскошь есть мать всех пороков и к тому как ни маша, ни мамаша с мишей еще не приезжали из Воскресенска, загостились у нашего учителя. Ведите себя лучше, крепче запирайте номер, когда уходите, часто молитесь Богу, а мы за вас часто вспоминаем. Коля не раздражай Антошу, а ты Антоша, слушайся Колю что добро и красно есть во еже како...»

Желание превзойти брата в его стилистических играх, возможно, помогло рождению рассказа, которым Антон Павлович открывал собрание своих сочинений: «Письмо к ученому соседу». Правда, Михаил Павлович в своих воспоминаниях выдвигает другую версию: он полагал, что формой для этого рассказа послужило письмо деда Егора Михайловича к Павлу Егоровичу. Оно для передачи было отдано Антону, и он снял с него копию для своей коллекции. У этой версии есть вариант (в изложении того же Михаила Павловича): пародию на письмо деда или отца (возможны совпадения) в форме монолога некоего лектора Антон разыгрывал вечерами перед собравшимися гостями, которые смеялись до упаду.

Интересная трансформация. Сначала литературная игра (предположительно — сочинение пародии), потом театр, представление пародии, а затем уже создание рассказа для журнала. Если посмотреть оглавление первого тома собрания сочинений Антона Павловича, бросается в глаза, что пародии здесь занимают не последнее место. А рассказы написаны в форме сценок. За исключением длинных повестей или романов, вроде «Ненужной победы», написанных на спор, стилизованных под популярную прозу Мавра Иокая или Георга Борна (для заработка, конечно). Момент игры — литературной или театральной — был подпиткой его творчества. Это сообщало тексту свежесть, легкость и веселость. Перечитайте «Письмо к ученому соседу», вы будете смеяться.

В защиту той версии, что «умствования» имени Павла Егоровича послужили материалом для «Письма к ученому соседу», приведем отрывок из его подлинного письма к Антону: «Миша остался на второй год. Не знаю отчего в Москве ученье медленно движается, или оттого что климат холодный. В теплом ученье скорее созревает и дает плоды приятные...» Сравним с рассуждением героя рассказа Василия Семи-Булатова: «Зимой день оттого короткий, что подобно всем прочим предметам видимым и невидимым от холода сжимается и оттого, что солнце рано заходит, а ночь от возжжения свечильников и фонарей расширяется, ибо согревается». Кто возьмется отрицать сходство этих «научных открытий»? Но произошло преобразование — «умствующий» Павел Егорович предстает в образе донского помещика, пламенного любителя науки. На семейных вечерах это был псевдодоктор. Не будем задаваться вопросом о причине преобразования — ответа не найти. Заметим только, что персонажи семейного театра в ранней прозе Чехова не появляются. Не писал он рассказов из купеческого быта.

...поставленного в Российском академическом молодежном театре (режиссер А. Доронин)

Правда, в середине 90-х годов выпустил повесть «Три года», герой которой — сын богатого московского купца, но и здесь узнаваемого семейного театра мы не найдем.

Семейные письма

Среди всех писем есть особенные, их можно назвать семейными, потому что это письма с приписками, писались они всей семьей. Вот письмо, начатое Павлом Егоровичем 26 августа 1876 года, когда Евгения Яковлевна только приехала в Москву: «...Я своей голове никакого толка не дам, посоветуйте, что мне делать, мысли мои растроены, я сам не свой. Быт наш от этого не улучшился, что мамаша приехала в Москву, только прожили те деньги, что она привезла, и теперь их нет а негде взять. Критическое положение... Скорее присылайте нам денег...»

Дальше рукой Евгении Яковлевны: «...теперь собирают нас обратно в Таганрог... а все через Ваню я еду, его суда некуда взять, а он деньги дома проживает... Я здесь каждый день плачу, распекают меня со всех сторон...если бы ни маша скрылась бы куда-нибудь навеки чтобы меня никто не видал, никому не насучала бы. Никому не говори. это секрет. Порви письмо».

Рукой Александра: «В то время, когда я пишу тебе, мама плачет по новопреставленному NN. А Николай рисует картину во вкусе Айвазовского, а она у него выходит во вкусе Боголюбова. Он ищет уединения и лезет туда, где народу гибель. Сейчас в театр едем. Я везу на собственные деньги...»

Рукой Евгении Яковлевны: «...в погребке есть сала кусок, поберегите его, я забыла взять а нам его хочется берегите все хозяйство».

Таких писем несколько, каждое из них воспринимается как сценка из жизни, мы слышим голоса, кажется, видим лица. Это театр. Причем, театр знакомый, чеховский. Строй произведения определяется невозможностью людей понять, соответствовать друг другу. Вспомните, как тоскующий Андрей Прозоров исповедует перед самим собой: «Мне быть членом здешней земской управы, мне, которому снится каждую ночь, что я профессор московского университета, знаменитый ученый, которым гордится страна!...» Рядом стоящий глуховатый Ферапонт, принесший бумаги на подпись, подает свою реплику: «А в Москве в управе давеча рассказывал подрядчик, как какие-то купцы ели блины; один, который съел сорок блинов, будто бы помер. Не то сорок, не то пятьдесят, не упомяну...» Вершинин и Тузенбах спорят о том, будут ли счастливы люди через двести-триста лет или будут так же вздыхать: «Ах, тяжело жить!» Оба говорят об одном и том же, но им кажется, что о разном. Спор затихает и следует реплика Чебутыкина, читающего газету: «Бальзак венчался в Бердичеве. Даже запишу себе это в книжку». Ирина, раскладывая пасьянс, повторяет: «Бальзак венчался в Бердичеве...»

Существует мнение, что Чехов был предшественником театра абсурда. Да, его пьесы — о распаде связей между людьми. Вместе с тем он был классиком реалистической школы, подчас стремившимся к иллюзорному правдоподобию. Он очень рано был пронзен абсурдом жизни, наблюдая ее каждодневно. Родственники ему в этом помогали. Позднее пришло понимание, что абсурдность внутренне присуща российской действительности, и как это ни грустно, — определяет характер и сущность русского интеллигента.

Злоключения русского языка в XX веке

Опыт словаря советизмов

Мариэтта Чудакова

Мариэтта Чудакова готовит сейчас к печати «Словарь советизмов». Перед вами — первая из цикла статей, написанных автором для журнала на основе этой работы. Автор предполагает прямое участие читателей в обсуждении публикуемых материалов.

Заметим, что сохранится в журнале и рубрика Мариэтты Чудаковой «Успеть прочесть», к которой привыкли наши читатели и публикации которой составили уже два выпуска («две полки») книг автора «Не для взрослых. Время читать!».

1.

Свободно ли мы пользуемся родным языком? То есть — хорошо ли понимаем значение русских слов? Ну, скажем, различие между «посветить» и «посвятить»? И задевают ли наш слух нередкие сегодня выражения: «более удачнее», «самый оптимальный»?.. «Значительно меньше уделяем внимания на духовную сферу...», «Об этом было подчеркнуто на совещании...»? По моим многолетним наблюдениям, именно депутаты (еще горбачевского времени), косноязычно заговорив с телеэкрана, приучили всю страну говорить «самый оптимальный». Врачи уже так говорят! А они, между прочим, латынь изучали в институте и знают прекрасно, что «optimus» — это и есть «самый лучший»...

Ежедневный развлекательно-познавательный интернет-портал «СОЛНЫШКО» приглашает на страницы своего сайта детей и любящих их взрослых!

Новое в феврале 2010 года:

- новые викторины с призами;
- развивающие стенгазеты и праздничные плакаты для скачивания;
- февральские фотоконкурсы детского обаяния;
- бесплатные консультации детского психолога и логопеда;
- ежедневный астрологический прогноз на февраль и многое-многое другое.

Добро пожаловать на сайт
www.solnet.ee!

Сегодня немало охотников искать пресловутую *национальную идею*. Их равнодушный взгляд скользит, не замедляясь, по тому, что является единственной не сочиненной, не сконструированной искусственно, а изначально, буквально с колыбели нам данной *реальной скрепой нации*.

Что делает нас единой нацией в гражданском смысле слова — русскими или российскими людьми, кому как нравится? Только единый язык, на котором все мы — кто лучше, кто хуже, — говорим. Сошел на любом полустанке, заговорил по-русски — всяк тебя поймет... (Правда, само слово «полустанок», похоже, уже устарело.)

Мы получаем родной язык в обладание, во-первых, даром — от матери (не зря во всем мире родной язык называют *материнским*). Во-вторых, в возрасте еще бессознательном — в первый год жизни. Слушая с первых дней родные ласковые речи, вдруг в один воистину прекрасный день начинаем *говорить*. Код языка матери в год и два-три месяца *вдруг* чудесным образом оказывается усвоен.

Это действительно чудесное свойство, которым мы наделены *только* в первый год жизни. (Как тут не вспомнить замечательную «Мэри Поппинс»! Легко поверить, что в единственный год самого интенсивного впитывания и переработки информации мы понимаем и язык птиц...) Ну, еще, может, несколько лет. Взрослому-то, как известно, на изучение какого-либо языка нужны годы и годы — и то не заговорим как на родном.

Что значит — «код»? А то, что человек в год с небольшим звуки произносит еще кое-как, а склонение и спряжение — уже в порядке! Едва начав говорить, мы глагол употребляем не в инфинитиве, скажем, а в нужной форме, и падежи более или менее на месте — то есть уже спрягаем и склоняем, сами того не ведая! Не говорим же: «Мо-локо хоте-ть», а сразу — «Хочу молока!».

...А что дальше? После того, как кончается нежный возраст? Особенно — после школы?

Как известно, в мире господствует энтропия. Все решительно требует нашего внимания и заботы. То, что оказывается лишенным внимания, заброшенным, — неминуемо приходит в упадок.

Разумеется, язык живет своей жизнью, развивается по внутренним законам. Никто не объяснит, почему наши прапрадеды говорили и «домы» и «дома», а потом все русские стали говорить только «дома». Мы давно говорим «учителя» (сохранив, правда,

форму «учители» для особых случаев), «трактора» — хотя пока еще можно сказать и «тракторы», но уже — только «поезда», «озера», «окна»... И в конце концов закрепится, наверно, форма «инженера» и «офицера». Но за нами оставлена возможность сопротивляться до последнего патрона...

Дело общества — то есть всех и каждого — быть, во-первых, внимательным к родной речи, а во-вторых, поддерживать ее эталоны, принятые на сегодня нормы. Языковая *норма* непременно должна быть консервативной. Почему? Да потому, что иначе мы быстро перестали бы понимать друг друга.

Понадобилось много десятилетий упрямого употребления десятками миллионов русских людей «кофе» в среднем роде, чтобы нормализаторы сказали устало, как произошло в этом году: «Ну, бог с вами! Употребляйте в среднем роде...» Подчеркну — никто не мешает нам с вами продолжать «кофе» употреблять в мужском роде. Просто вокруг него сломлена наконец оборона — победили те, кто за истекшие десятилетия не могли преодолеть привычной для родного языка связи окончания «е» — и среднего рода.

Думаю, мало кто заметил, что 2007 год был в России торжественно объявлен Годом русского языка. Потому что ни малейших телодвижений в сторону русского языка, кроме сугубо бюрократических, сделано не было. Я, правда, раскопала в Интернете никому, думаю, кроме узкого круга заинтересованных лиц, неведомый Центр развития русского языка (региональный общественный фонд). Процитирую то, что он объявлял в тот год на главной странице своего сайта как собственную «миссию» (!): «*задействовать (!) ресурсы русского языка для осуществления результативных преобразований (?) в социально-культурной сфере России и формирования ее позитивного образа в мире*».

Трудно — не правда ли? — представить себе, чтобы такой язык помог создать наш *позитивный образ* в мире. Провозвещалось также «*максимальное использование потенциала русского языка как инструмента межкультурного взаимодействия, как средства познания и преобразования русскоязычного мира и человека в нем*». Преобразование человека — не более не менее! Такой замах комментировать не приходится. Вообще, там, где собираются «задействовать ресурсы» родного языка, — там «великим и могучим» уже не пахнет, веет совсем другим.

К языку сегодня разные близкие к власти (лучше, пожалуй, сказать — к *властям*) структуры России относятся как к дышлу — поворачивают туда, куда сами в данный момент политически нацелены. Одна из задач Центра

русского языка так и была сформулирована — «*координация усилий заинтересованных лиц и организаций в повышении статуса русского языка как инструмента культурной и образовательной политики России*». Язык, как видим, — «инструмент политики». Но дело-то в том, что язык такого *чисто конкретно* инструментального обращения с собой не любит.

Вот и все, что сконструировано сегодня властью «по линии», выражаясь советским слогом, русского языка. Исчерпывается, в сущности, капризным возгласом: «Почему это наш язык нынче за рубежами нашими мало изучают?»

2.

Итак, хорошо говорить по-русски — это правильно, грамотно строить фразу. Еще — уметь выбрать нужный вариант из многих синонимов, хранящихся в нашей языковой памяти. Знать точное значение слов, которые мы слышим вокруг, которые встречаем в речи наших собеседников и сами употребляем, порою, увы, не догадываясь, что понимаем-то их не совсем верно... Прислушайтесь для начала к широко (недопустимо широко) распространенному выражению «Я в шоке!».

...И еще — правильно произносить слова. Ну, хотя бы — с правильными ударениями. Нам же труднее, чем французам, у которых ударение — *всегда* на последнем слоге. У нас, как известно, оно может объявиться где угодно — недаром сегодня введена новая норма произношения некоторых слов. Но она, не будем забывать, факультативна — точно так же, как издавна равноправны оба ударения в слове «творог». Сегодня никто и ничто не мешает вам произносить «йогурт» с более привычным для вас ударением. И «договор» я, например, буду по-прежнему произносить с ударением на последнем слоге.

Когда-то норма поддерживалась речью дикторов по всесоюзному радио. Было известно, что у них, у дикторов, — правильные падежные формы, правильные звуки и ударения. Ходили слухи, что за ошибки в речи их лишают премий и даже вычитают из зарплаты. Правда, эта забота о падежах и ударениях шла на фоне огромного оскудения публичной речи, произведенного на протяжении советских десятилетий искусственным путем.

И сегодня я начинаю свое повествование именно об этом.

Говоря словами поэта, «печален будет мой рассказ».

3.

Давным-давно, когда мне, молодому филологу, уяснилась в какой-то степени картина разрушения моего родного языка — того, который назван

был русскими писателями «великим и могучим», — я стала записывать на карточки сугубо *советские* слова и выражения. В этом помогал мне на первых порах мой муж и однокурсник Александр Павлович Чудаков. Огромную роль в моем размышлении о *советском языке* сыграло одно его приобретение. Именно он занимался пополнением нашей домашней библиотеки — в букинистических магазинах (мы со студенческих времен покупали не переиздававшуюся филологическую литературу 1920-х годов — в самом буквальном смысле слова за счет еды) и с рук — у «черных» букинистов. И однажды, сияя и торжествуя, вручил мне книгу замечательного лингвиста А. Селищева «Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926)».

Изданная в 1928 году, книга эта уже через несколько лет была изъята из употребления — главным образом из-за цитат из статей Троцкого; потом сюда присоединились цитаты из статей расстрелянных недавних партийных вождей — Бухарина, Каменева и др. А потом и сам автор был арестован и отправлен в ссылку. Лишь после 1956 года появилась легальная возможность ее читать — но только в Библиотеке имени Ленина, в читальном зале так называемого *спецхрана*. В букинистических магазинах ее не принимали — и, *соответственно*, не продавали. Потому эта покупка «с рук» была исключительной удачей.

В кратком — на треть страницы — и явно очень обдуманном ввиду подцензурности вступлении автор пояснял: «...Цель работы — осветить *различные стороны языковых переживаний последних лет*. Кроме общелингвистического значения, представляемые результаты моих изучений могут иметь значение и практическое: они *указывают на различные отклонения от норм общерусского литературного языка и на условия, обстоятельства и последствия этих отклонений*. Для *целесообразного и умелого пользования этим языком необходимо принять во внимание указанные отклонения, в особенности те, которые не являются необходимыми или важными* ни для одной языковой функции: ни для общения, ни для выражения эмоциональности, ни для называния». То есть — отклонения, *навязанные* новой властью.

В эвфемистически обозначенных «обстоятельствах» указанного Селищевым «периода» нельзя было сказать яснее об уже совершившейся к 1927 году огромной деформации «общерусского» языка «в связи с событиями и обстоятельствами» и о том, что вряд ли ныне живущим его носителям удастся продолжать «целесообразно и умело» пользоваться далее своим родным языком...

Селищев пишет о «быстроте и интенсивности распространения различных языковых черт, исходящих от авторитетных коммунистических деятелей». Вроде бы безоценочная, но убийственная характеристика новых явлений жизни языка — ведь в добольшевистской России нельзя было вообразить, чтобы вся страна кинулась воспроизводить особенно сти речи нескольких людей...

Ученый с очевидным трудом подбирал «проходную» для цензуры форму в описании того, как большевизм вульгаризировал публичную речь, ввел самые резкие формы полемики (пионером здесь был Ленин, после своей победы ставший главным образцом для подражания): «Российские революционеры, как в свое время и французские, не стеснялись употреблять в своей речи слова и выражения, считавшиеся фамильярными и грубыми. В устной и письменной речи последних лет в изобилии встречаются такие особенности... Три врага у русских коммунистов: активные представители других социалистических и демократических партий — «соглашатели», русская эмиграция и дипломатия других стран. По их адресу направлены самые «крепкие» словечки коммунистических деятелей <...>. Напр., если речь заходит об эмиграции, то она называется обычно *белогвардейская сволочь*; если говорят о социалистах-меньшевиках, то это говорят о *социал-изменниках, социал-предателях*; противокоммунистические мероприятия того или иного правительства это — *махровая реакция империалистической клики*. И далее — целые грозды ленинских поношений своего политического противника: «Фантазия *сладенького дурачка* Каутского», «Каутский с ученостью учейшего кабинетного *дурака*...», «Перлы ренегатства у *подлого* ренегата Каутского», «*Выжившая из ума* социал-демократическая *тифия* Каутский». Автор добавляет: «*Ид, паразит*, а в малограмотной среде — *элемент* — применяются к неугодным, противоречащим партии лицам».

4.

Книга Селищева послужила сильнейшим научным импульсом. В это время я как раз писала — в стол — свою первую книгу, назвав ее «Поэтика Зощенко». И проза Зощенко наглядно продемонстрировала мне, что именно случилось с языком: как миллионы, десятки миллионов сограждан, едва обучившихся грамоте, вынуждены были употреблять слова, значения которых они не понимают, — говорить про «шибко пленарное» заседание и про «индустрию из пустого в порожнее».

...Обо всем этом и пойдет далее речь — на конкретных примерах «Словаря советизмов».

Цветение гения

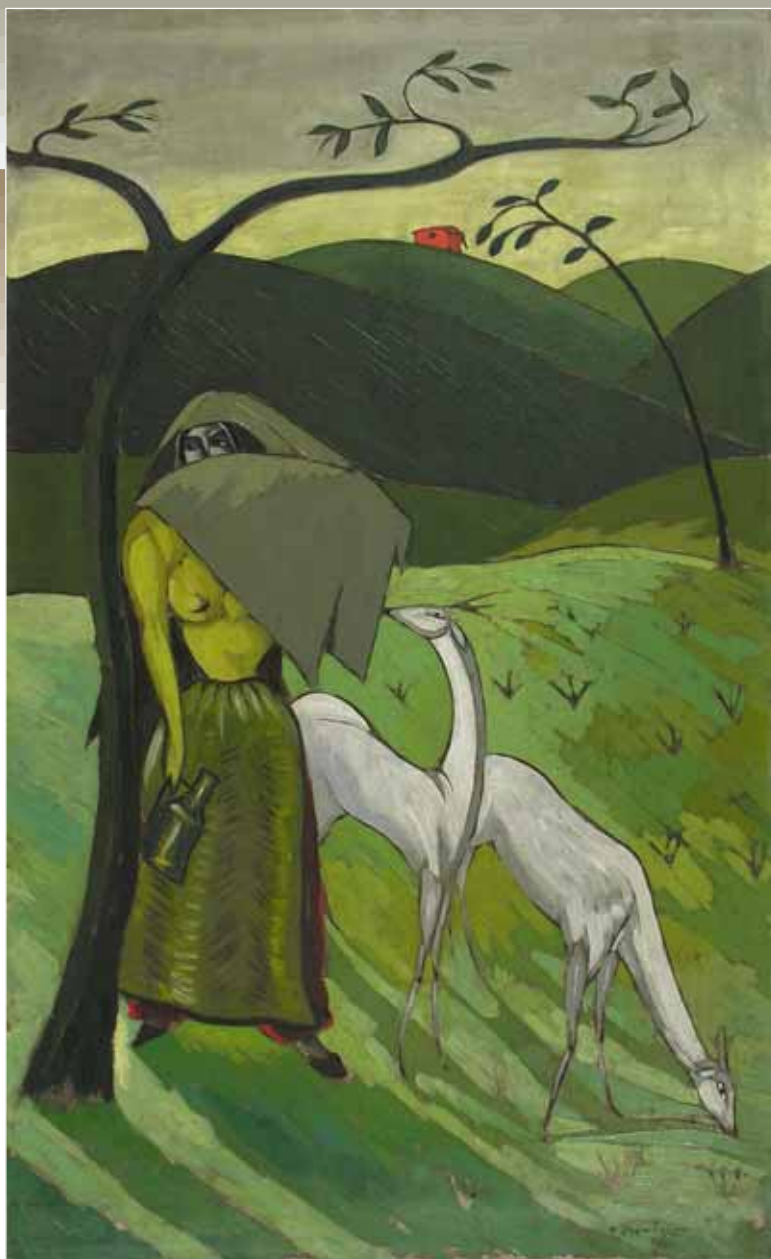

Весна.
(Зелёная
женщина).
1920

В Государственной Третьяковской галерее (в Лаврушинском) прошла выставка «Ладó Гудиашвили. Парижские годы». Представлено более 60 графических и живописных работ, в основном парижского периода. Сотрудники галереи работали вместе с московскими коллекционерами Иветой и Томазом Манашиеровыми, страстно увлеченными искусством грузинского мастера. Большинство работ было показано впервые.

Живопись Гудиашвили я впервые увидела в Ереване, в доме Мартироса Сарьяна, в начале 60-х годов. Со стены в гостиной снимали какое-то полотно и вешали другое. Сарьян объяснил, что сегодня к нему в гости придет грузинский художник Ладó Гудиашвили, и ему будет приятно увидеть на стене свою картину, когда-то подаренную Сарьяну. «Хорошая вещь, хороший художник». И добавил, что многие дарят ему свои полотна, он их хранит, но вешает только свои. А потом появился седовласый, элегантный красавец, и было странно видеть Сарьяна в его московшвеевском пиджаке (обычно он ходил в рабочей блузе) рядом с тбилисцем, похожим на парижанина.

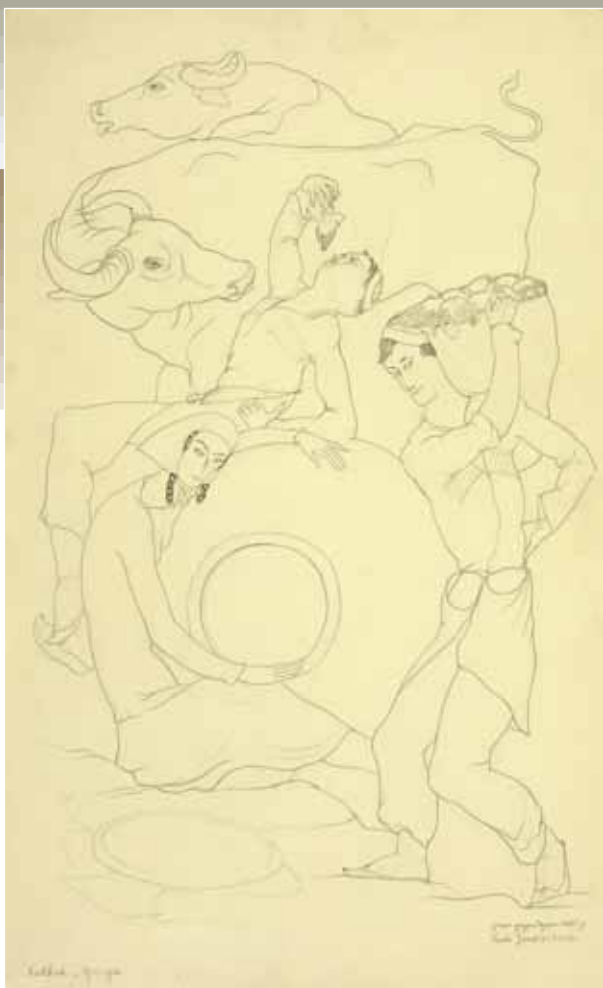
На нынешней выставке и в великолепно изданном к ней каталоге много фотографий моло-

Две
белые лани.
1917

дого Гудиашвили. Ему поставили памятник в Тбилиси перед церковью Святого Георгия, которую он расписывал, изобразив таким, каким он вернулся из Франции в 1925 году, — представителем парижской богемы, неотразимым в своем обаянии. Это обаяние он сохранил до старости. И все, кто его знал, соединял чисто внешнее впечатление от его облика с впечатлением от его искусства, от изысканной пластики его живописи и графики. Он был эстетом, но совершенно особого склада: его творчество опиралось на национальные традиции. Еще до отъезда в Париж двадцатипятилетним юношей он участвует в экспедиции по изучению памятников древней Грузии, копирует росписи церквей, увлекается реставрацией. Известна его роль в открытии примитивов Пиромани. Он знакомится с уже больным художником, пытается ему помочь, но тот предпочел умирать в одиночестве. Пиромани предложил Ладó написать его портрет, но тот из скромности отказался, о чем жалел всю жизнь.

В 1919 году после путешествия по Турции и Италии Гудиашвили приезжает в Париж. Приезжает учиться, совершенствовать свое художественное образование. Он учится в Академии художеств и

Кахетия.
Провинция
Грузии.
1928

Академии Ронсара, участвует в выставках, а их устраивают и на бульварах, и в парках; однажды картины Ладо оказались рядом с полотнами Пикассо. Вскоре он понял, что настоящее образование он может получить в общении с художниками. В кафе

Кутёж
под деревом.
(Кутёж
с женщиной).
1923

Танцующие
женщины.
1921

«Ротонда» постоянно собирались Модильяни, Леже, Дерен, Пикассо. Здесь звучали стихи; шли жаркие споры о символизме, кубизме, абстракционизме. Оказавшись за одним столиком с Модильяни, Ладо рисует его, а тот дарит ему несколько своих рисунков — за чашку кофе. В тот вечер они были неразлучны. Но итальянец уже был смертельно болен. Некоторое время Гудиашвили находился под его сильным влиянием: у героев Ладо пустые глазницы и как маска застывшие лица. Но большей частью его работы парижского цикла отличает «соцветие и созвездие» красочных сочетаний, молодой темперамент и сильное чувственное начало: его красавицы с томными жестами и миндалевидными глазами, стройные лани, пирующие уличные торговцы, всегда даи духанов радуют и увлекают в какой-то сказочный мир. Плавность и изысканность его линий отсылают нас к персидской миниатюре, к старинным грузинским фрескам. А сказочный мир — это исчезающий и уже исчезнувший, превратившийся в сказку мир старого Тифлиса.

Неожиданно приходит огромный успех. Все его картины, выставленные в парижском Осеннем Салоне, были проданы; Ладо помогают устроить

Юноша
с ланью.
1924

персональную выставку, на которую он представил более полусотни работ, и большинство из них тоже были проданы. К нему в мастерскую приходит известный испанский художник Игнасио Сулоага, просит продать ему несколько полотен, говоря, что они достойны музея Прадо. Выходит монография Мориса Рейналя, посвященная Гудиашвили. Он работает вместе с русскими художниками, оказавшимися в Париже, — Судейкиным, Бакстом, Ларионовым, Гончаровой. Ближе всех ему Бакст, он чувствует в нем родственное начало. Перед ним открываются возможности, о которых нельзя было и мечтать. А он между тем затосковал и решил вернуться на родину. Его отговаривали все, кто его знал, но он был непреклонен. В своих воспоминаниях

Юноша
с пятнистой
ланью. 1924

он не говорит, что сожалел об этом решении, он не мог поступить иначе. Но до конца своих дней (Ладó умер в 1980 году) он существовал под сильным давлением: его живопись не устраивала тех, кто руководил художественной жизнью большой страны. Однажды он решил сжечь все свои работы. Успел сжечь пятнадцать полотен, шестнадцатое выхватила из огня жена и спасла остальные. Его роспись церкви святого Георгия, начатая в 1946 году, не была закончена. Удивительно, что не уничтожили сделанное.

...Парижский период — это цветение его гения. Возможность увидеть хотя бы часть того, что было создано в эти годы, — большая радость.

Л. Осипова

Тень отца

Александр Мелихов

Имя петербургского писателя Александра Мелихова хорошо известно нашим читателям — его произведения не раз печатались в журнале.

Среди раскаленных каменных комодов Старо-Невского я еще держался — держался за свои воображаемые двадцать девять внутри и еще более воображаемые сорок пять снаружи. Но когда наконец пришлось свернуть под арку к заждавшейся меня свалке человеческих отходов, глаза уже не удалось удержать закрытыми. И ноздри тоже. В них ударило серебристой пылью и желтой пылью *зунтов* — барханами отходов обогатительной фабрики. Да еще гарью остывающего шлака с банных задворок, покуда еще не ощущавшейся пороховой, тошнотворной...

И я лечу сквозь них, мимо них, на миг зависая в балетном шпагате над канавами и рытвинами, — *большой*, бесстрашный, через год в школу, вооруженный ответственным поручением: беги займи очередь, в ларьке крупы *выбросили*...

Не помню ни ларька, ни крупы, ни очереди, помню только, как гордо я прохаживаюсь вокруг этих едва брезжащих пустот. А потом растерянно хлопаю глазами, когда громкая тетя Зоя изумленно допытывается у меня про какую-то ерунду: «Ты за кем? Ты за кем?» И продолжает разводить руками до самого дома перед каждым встречным-поперечным: «Одну бабу спрашиваю — говорит: я его не видела. Другая баба тоже: я его не видела...»

Естественное дело, если и я их не видел. Я видел только канавы, рытвины, железяки, через которые надо перелететь. Я изнемогал от конфуза, но так никогда и не сумел избавиться от глубинной уверенности, что главное — красиво добежать, а что там делать, уже неважно.

Вот я наконец и добежал до того места, где делать больше нечего.

Двухэтажный вытянутый дом без признаков, что и есть главный признак райцентра, укрывшегося под мышкой культурной столицы. Скромный ад советской канцелярии — как и положено, слишком тесный коридор, как и положено, лампочки слишком скудны, да и из тех половина перегорела, как и положено, у каждой двери переминаются тайно ненавидящие друг друга просители — чем их больше, тем менее тайно, а больше их там, где просят больше. Коридор уходил в бесконечность, где свет был все скуднее, а двери все ниже, где просили все больше, а получали все меньше: в первую дверь можно было войти, лишь слегка наклонив голову, в следующей нужно было сделать полупоклон, дальше требовалось кланяться в пояс, а в бесконечной перспективе, где стучалась едва проникаемая взором мгла, уже приходилось опускаться на четвереньки, протискиваться на брюхе...

Я ждал терпеливо и бесчувственно — сутки так сутки, год так год: я понимал, что малейшее движение гордости меня погубит. Поэтому я и склонился еще ниже, чем требовалось, и замер в почтительном отдалении, ожидая, покуда меня пригласят.

Однако повелительница оказалась вполне человеческой, напоминающей сонную свинку: опершись голым летним локтем на свой разделочный стол, она вела игривую беседу: а он что? а ты что? да ну! что, прямо так и сказала?!

Я старался изобразить полное смирение, даже умильность, но когда, тщательно вложив алую трубку в ее ложе, хозяйка кабинета подняла на меня блеклые глазки с еще не погасшей в них игривостью, во мне сработала автоматика

красавца-мужчины. Я навел на нее синеокий взор с поволокой — уж такие-то полудурнушки с носи́ком-бульбочкой и короткой жирной шейкой, уходящей в поперченное розовыми родинками непропеченное декольте, таяли от моего взгляда с неукоснительностью воска перед лицом огня, — и у меня самого потеплело на душе, когда на ее незапоминающейся мордашке проступил интерес. Слегка развернувшись в полупрофиль, дабы подчеркнуть античность моего носа, а заодно скрыть рубцы бурной юности, я добавил тумана и значительности и уже готовился великодушно принять капитуляцию, когда ее интерес разом смыло негодующим безразличием.

— У меня проветривание! — это прозвучало как «Да что вы о себе вообразили?..»

Но сорокалетняя инерция любимца дам уже влекла меня в балетном шпагате над всеми канавами и рытвинами, и в глубине моей забывшейся души уже рождался из пены пробудившегося самодовольства куртуазнейший комплимент типа «Зачем проветривать комнату, где благоухает такая роза?» — и все-таки меня не понадобилось приводить в чувство ведром ледяных помоев, ей достаточно было сдвинуть бесцветные бровки:

— Что вы встали? Вам же сказано: проветривание!

И я понял, что все действительно кончено: я старик.

Но как же и впрямь неуловимо пролетела жизнь! А вот мой отец прожил минимум девять жизней! Сначала какой-то невообразимый хедер, талмуд, цимес с меламедом; потом — гражданская война, банды, чужие зашкафья, сожженный родительский дом; потом — литейный сарай, спилка с рабочим классом; потом рабфак, долой, долой раввинов, монахов и попов, даешь Варшаву, даешь Берлин (рифмуется с «Рим»); потом университет, архивы, лекции, троцкизм-сталинизм; потом арест, тюрьма, допросы; потом Воркута, лесоповал, погрузки, дружба с кулаками и беляками; потом ссылка, Степногорск, Казахстанский мелкосопочник, рудник, школа, всеобщее обожание Учителя с большой буквы; потом пединститут, звание первого интеллигента Каратауских степей, донесенное выпускниками до последнего аула; годы мудрости, беседы с учениками, прогулки и чтение вслух с любимой женой, письма почтительных сыновей, чьими успехами можно гордиться; смерть подруги жизни, примиренность с земным, умудренное угасание в кругу любящего почтительного потомства — и незаметный уход в иной мир, где нет ни плача, ни воздыхания, где тишина и покой, и уходит конвой, как было нацарапано на дверях лагерного морга...

Каким таким чудом после всех разорений, войн и лагерей он до конца дней пребывал в такой гармонии с миром?.. Включая собственную внешность? То бритый

Тень отца

под Котовского вечно бодрый Яков Абрамович с самой оптимистической в Степногорске походкой, то серебрящийся висками главный интеллигент стольного града Кара-Тау, то иудейский мудрец, отрешенный от всего земного, обрезающий под полубокс свои пророческие седины...

Никогда не нуждающийся ни в чьих подбадриваниях. А вот я бы хоть сейчас отдал на отсечение ненужную лакею руку, чтобы только уткнуться в мамины колени! Но это же смешно — плачущий пенсионер... Ну, не вчера, конечно, но лет, ну, самое большее, восемь-десять назад, шагаем мы с папой через каменно-слоеную сопку с базара, — один его шаг на мои три, но такие же вдохновенные, — и папа близко к тексту декламирует мне «Тараса Бульбу»: «И упал он духом и воскликнул в душевной немощи: батько, где ты, слышишь ли ты?..» И кобчики взлетали из верблюжьей колочки на папин зычный отклик самому себе: чую, сынку, чую!..

Хоть бы мне с горчичную пылинку младенческой веры, что единственные души во вселенной, любившие меня ни за что, слышат меня в каком-то ином мире!

Нарастающая тоска пока еще держалась в пределах переносимого, но я хорошо знал, что вонзившееся жало уже не рассосется, будет нарываться, покуда не прорвется по-настоящему невыносимым отчаянием — на смену коему на какое-то время явится блаженное безразличие. То есть счастье. Нужно только поторопить события, поскорее отмучиться, как тошноту обрывают искусственной рвотой. И я лихорадочно нашаривал, какие бы два пальца сунуть себе в горло, чтобы отчаяние раздавило меня разом, а не нарастало в час по жалкой тонне.

И тут меня озарило: мои милые папочка и мамочка!.. Их могила меня добьет.

Город мертвых еще недавно начинался с нулевого цикла — с бескрайнего болота, но жизнь берет свое. И чужое: где некогда все было пусто, голо, теперь не такая уж и молодая роща разрослась, заслонив от глаз путешествующих зрелище нагой регулярной смерти.

Главное было не опередить события — донести завершающий рвотный спазм до унитаза, финальный взрыв отчаяния до норки. Моя жена, в просветлении возвращаясь с

кладбища, всегда делится, как там стало красиво, это же такая красота — поглощение человеческой жизни безмозглой органикой...

Сколько человеку земли нужно? Моим любимым душам хватило серого бетонного квадрата полтора на полтора — небось не простынут, если ноги окажутся снаружи. Зато цветник был загляденье, на все цвета радуги — жена не хвастала, утверждая, что у нас лучшая клумба на всем кладбище, и я стараюсь скрыть невольную кривую ухмылку: то-то мертвые наслаждаются этими роскошествами...

Мне не нужно красоты, красота — первый шаг к забвению. Они такими сейчас и смотрели на меня, какими я их помню. Мама в темном платье с отложным белым воротничком — представления умненькой провинциальной школьницы о красоте и приличиях. И взгляд ужасно комсомольский. Папа же в белом свитере с расстегнутой молнией, вшитой мамиными руками в воротник, распадающийся на две маленькие волны, напоминающие рудиментарные крылышки. И выражение лица такое же — окрыленное.

Очки, вдохновенные седины (фотограф поймал перед стрижкой) — идеальный кинотипаж академика. Но он и то не лаптем щи хлебал: в полнейшем одиночестве дораста до главного интеллигента Каратаусской области — это тоже не кот начихал. Вот она, красивая старость, недоступная нашему тщетно молодящемуся миру. И лично мне, Льву Янкелевичу Каценеленбогену. Они спокойны и уверены в правильности избранного пути — я скомкан и отброшен от всего, что могло бы хоть как-то укрепить мой дух. Тлен, тлен...

Мне кажется, я ничего не произносил вслух, но мамино лицо приближалось, приближалось и сквозь комсомольское выражение беззаветной преданности все более явственно проступала мука. Внезапно я похолодел: по маминой щеке сползала слезинка. Я оцепенело следил за ней и лишь через несколько секунд заметил, что у меня отпала челюсть.

Захлопнув рот, я одичало вперился в выпуклое фото — да, это несомненно была капля. Трясущейся рукой я стер ее и лизнул — она была соленая. Рука вспотела, метнулось в голове: а это дождь, сейчас закапает.

Однако в небе не было ни тучки, одна бледная наволочь. И я почувствовал, как мое лицо охватывает жар стыда: надо же, довел мать до слез!.. Прости, мамочка, прости, милая, лихорадочно забормотал я, не обращай внимания, ты же знаешь, мы любим поныть, что поделаешь, не получили вашей закалки, зажрались, а так-то все у нас лучше некуда, все сыты, здоровы...

Я захлебывался от нежности и жалости, и мамино лицо понемногу вновь вернулось на фотографию и

обрело прежнее выражение беззаветной преданности. И тогда я пал на колени и, неловко дотянувшись через цветник, прижался к теплой эмали половиной потного лба и заплакал сладкими детскими слезами, со всхлипываниями, шмыганьем и всеми прочими делами. Я плакал так долго, что наконец сделалось совестно столь беспардонно нарушать покой мертвых. Я встал и, не глядя на маму, долго сморкался и отряхивал коленки, попутно обнаружив, что щиколотка совершенно прошла.

Наконец решился взглянуть. Она смотрела на меня с нежностью и легким юморком: ну что, мол, глупыш, наревелся? Пора и за уроки.

На прощанье я смущенно взглянул на отца, но он, как обычно, ничего не заметил, витая в каких-то собственных эмпиреях. Ну что, батя, слышишь ли ты, с ласковой усмешкой спросил я его на прощанье, но он уже не ответил мне своим фирменным «Чую, сынку, чую!».

На временной деревянной платформе веяло вечерней прохладой, и я надеялся, что в сгущающихся сумерках мои наверняка покрасневшие глаза будут незаметны. Но все-таки я постарался сесть лицом к той части вагона, где было поменьше публики.

Это были бюджетники, к своим годам уже успевшие набраться мудрости, то есть терпения. Они безропотно предъявляли билеты классическому железнодорожнику в прилизанных стальных сединах и полузабытом кителе из какого-то фильма времен культа. Накаляющаяся заря набрасывала на лица легкий адский отблеск.

Чтобы не заставлять пожилого человека ждать (сам-то ведь я вечно молод), я принялся заранее шарить по карманам и после третьего шмона убедился, что билет пропал. Но я был мудр и спокоен, готов и далее переносить идиотизм земной жизни, и, когда контролер добрался до меня, я сразу протянул ему тысячную купюру.

— Потерял билет, — я изобразил извиняющуюся улыбку.

— Сейчас выпишу квитанцию, — прислонившись бедром к спинке сиденья, контролер полез в свою полузабытую полевую сумку. — Квитанции кончились, — он обратил ко мне подернутый легким адским пламенем облик честного служаки.

— Да ладно, давайте без квитанции, — я был мудр и терпелив.

— Не положено. Пройдемте к бригадире.

Придерживаясь за спинки, мы побрели в направлении первого вагона под сдержанными взглядами бюджетников. Однако в тамбуре мой конвоир остановился и оборотился ко мне. Не без облегчения, хотя и с легким разочарованием я подумал, что он хочет взять в лапу без свидетелей, и уже сунул руку в карман, когда что-то заставило меня еще раз взглянуть ему в лицо, залитое адским пламенем «лайт».

Это был мой отец. В том самом окрыленном свитере и строгих очках главного интеллигента Каратаусской равнины. Только выражение лица у него было никогда не виданное — сдержанно-скорбное и отстраненное. Или отстраняющее.

Я понимал, что мне надо ужаснуться или возликовать, но я оставался все таким же мудрым, то есть невозмутимым.

— Ты спросил меня, слышу ли я тебя, — сухо вато сказал он. — Да, слышу.

Открытая дверь на тормозную площадку наполнила тамбур громом и лязгом, однако я различал его слова без малейшего усилия.

— Тебе, конечно, известна эта утешительная пошлость: человек живет до тех пор, пока его помнят. Так знай: как всякая пошлость, она оказалась правдой. Но сегодня умерла моя последняя рабфаковская подружка, которая меня еще помнила, и теперь я должен окончательно исчезнуть. Потому что все остальные меня давно забыли.

Что ты говоришь, забормотал я, уже угадывая какую-то сквернейшую правду, тебя помнят все твои ученики, о нас уж и не говорю, мы все тебя вспоминаем по десять раз на дню... Я бы еще долго кудахтал, чтоб не дать ему ответить, но он прервал меня с легкой досадой как слишком уж откровенно завравшегося брехуна:

— Вы все вспоминаете не меня, а тот фальшивый образ, который я создал, а вы приняли, потому что с ним вам было приятнее, чем с тем, кем я был на самом деле. Вам было приятно думать, что я скромный, всем довольный, мечтаю только, как бы послужить ближнему, такому же убогому, как я сам... А я мечтал быть великим человеком, участвовать в великих делах, которые бы помнили через двести лет. Но я старался скрыть это от себя, чтобы не чувствовать себя проигравшим, и вы тоже не хотели этого знать, вам было слишком больно понять, что человек, которого вы так любите, потерпел жизненное поражение. И вы предпочли верить в сочиненную мною детскую сказку о гармонии с миром,

Тень отца

верить, что я не нуждаюсь ни в чинах, ни в деньгах, ни в славе, ни в бессмертии... А ведь бессмертие может прийти только через славу. Бессмертие человека в его делах — эта пошлость тоже оказалась правдой. Чтобы себя успокоить, вы твердили друг другу, что я скромный, скромный, скромный, хотя в глубине души прекрасно знали, что скромных людей не бывает — бывают только сломленные. Бог не создал человека скромным, он создал его по своему образу и подобию. Но вы старались заглушить голос правды, вы предпочитали верить моим маскировочным делам и собственным лживым словам. Я не виню вас, так поступают все: когда человек страдает, его близкие прежде всего зажимают уши, чтобы не слышать его стонов. Вы тоже сумели не слышать те стоны, которые я и сам подавлял изо всех сил, и теперь я должен умереть окончательно. Я провел все эти годы в аду, но сейчас меня изгоняют даже из ада.

— Как из ада?... Ты же мухи не обидел, вернее, только мух и... Ты же всем помогал?..

— Да, был маленьким человеком, удобным для других маленьких людей. За что и был наказан.

Прежде это было немыслимо, чтобы отец назвал кого-то маленьким, а сейчас он говорил о них даже без пренебрежения — с легкой скукой.

— А в аду что?... Там действительно угли, сковородки?..

— Нет, эта пошлость не подтвердилась. Впрочем, наивность не бывает пошлой. Нет, никакой театральщины там нет — ни в одном из трех кругов. В них ужас нарастает по степени откровенности, с которой люди себя ведут. Третий круг самый страшный — в нем люди делают решительно все, что хотят. Второй круг уже гораздо мягче — там люди только говорят друг другу все, что думают. А первый круг, где обретаюсь я, — всего лишь скромный ад советской канцелярии. Сидишь и вспоминаешь свою жизнь. И все, что ты от себя прятал, на что закрывал глаза, — все предстает тебе в полной ясности. Это и есть страшный суд, можно сказать — самосуд. Вся утешительная ложь опадает, и начинаешь понимать с предельной ясностью, где ты струсил и изменил своей мечте, своему бессмертию. И не просто изменил по бессилию, но еще и оправдал свою измену. Только это и нельзя себе

простить — возведение слабости в добродетель. Я все оттуда разглядел, а теперь должен исчезнуть. Умерла последняя, кто помнил меня настоящим. Ты ее не знаешь, мы расстались в тридцать втором году.

У меня голова шла кругом не только от его слов, но едва ли не еще больше от его тона: отец всегда разговаривал, как бы извиняясь, всегда стараясь что-то замять, загладить — все, мол, хорошо, не сердитесь, не расстраивайтесь, дело того не стоит, — а сейчас он говорил не то чтобы жестоко, но с какой-то легкой досадой, как будто зачитывал чей-то чужой надоевший текст. Поезд останавливался, бюджетники входили и выходили, проходя сквозь отца, и мне хотелось как-то оградить его, но я видел, что это ему нисколько не мешает, а изображать заботу не нужно, ибо он тоже видит меня насквозь.

— Но ты же всегда говорил, что был счастливым человеком, — в отчаянии воззвал я, — что тебя все любят, уважают, что у тебя чудесная жена, прекрасные дети!.. А Сталина, наоборот, все боялись, и дети у него никчемные...

— А что мне оставалось, как не твердить себе, что виноград зелен, зелен, зелен? Да, меня любили — как не любить того, для кого ты всякий хорош. И жена у меня — да, была чудесная. Ничего не требовала, любила меня просто за то, что я живу. А дети — дети тоже наше бессмертие, но какое бессмертие могли подарить вы — посмотри, ты и горбишься как официант: чего, мол, изволите-с? Один хотел покорять космос, а превратился в лакея, другой мечтал быть великим путешественником, а стал забулдыгой с романтическими потугами... Вы такой же тлен, как и я сам. Впрочем, в сравнении с твоими отпрысками вы еще ничего. Хоть потрепыхались своими рудиментарными крылышками. А твой сын пошел в лакеи прямо со студенческой скамьи, дочь посвятила жизнь собственной истеричности...

Он выговаривал эти ужасные вещи без малейшего ожесточения, а словно бы в двадцатый раз зачитывал всем известный протокол. В разбитое окно врывался ветер, но в его серебряных седирах не шевелился ни единый волосок.

— Ну да что теперь об этом, уже ничего не исправить, а времени мало. У меня к тебе просьба — первая и последняя, ты же помнишь, что я тебя никогда ни о чем не просил, о чем может просить тот, кто всегда всем доволен. Так вот, сейчас я прошу тебя: отомсти моему убийце.

— Как убийце, ты же умер в своей постели?..

— В постели умерло мое тело. А дух мой умер намного раньше. Когда меня арестовали, я понял, что я никто и ничто. *Правды нет. Нигде нет.* Мы букашки на проезжей части. Все, что мы можем, — забиться в

какую-нибудь выбоинку, чтобы колесо переехало не сегодня, а завтра. И я нашел эту выбоинку и пересидел не без приятности. За это и расплачиваюсь. И на прощание прошу тебя: отомсти моему убийце, его фамилия Волчек. Найди его потомков и сотри память о нем. Расскажи им какую-нибудь ложь — лучше даже хвалебную. Ей легче поверят, люди хотят иметь красивую родословную. Они поверят, и он исчезнет.

— Но ты же всегда говорил, что всем все простил, что ни на кого не держишь зла?..

— А что мне еще оставалось? Ты же сам говорил, в чем суть христианства: ляг, прежде чем повалят, полюби, прежде чем изнасилуют, — и будешь отдаваться только по любви. Как еще избавиться от мук неутоленной жажды мести?.. В аду я это хорошо прочувствовал.

— Я понял, я сделаю, что смогу. Но чисто абстрактно: ведь твой Волчек и сам был букашкой — уж если мстить, то букашке побольше? Товарищу Сталину, я хочу сказать.

Отец лишь устало вздохнул — я его явно раздражал своей наивностью.

— Сталину отомстить невозможно. Память о нем стереть нельзя. Он не притворялся скромным, что считал нужным, то и делал. Конечно, как всякое чудовище, его будут стараться приукрасить — кому хочется жить в мире, где торжествуют чудовища! Но его дела станут говорить за себя сами. Поэтому Сталин бессмертен.

— Но тогда и Герострат бессмертен?

— И Герострат бессмертен. А народной памяти страдания без подвига не нужны. Быть раздавленным — это в России не заслуга. Тебя за троцкизм посадили без вины, а меня за кражу посадили без вины. Наша трагедия заключалась в том, что у нас отняли шанс на бессмертие. Но я не решился признаться в этом прежде всего самому себе. Мне было так страшно признать свой жизненный крах, что я постоянно старался показать: я остался несломленным, остался бодрым и счастливым. Хотя это и была сломленность — согласие довольствоваться малым. Согласие быть счастливым в качестве скромной букашки.

Нет, отец не мог говорить такими чуждыми фразами! Но отца уже и не было. Пожилой железнодорожник в устаревшем мундире наставительно погрозил мне пальцем: «В следующий раз обязательно оштрафу!» — и растворился в вокзальной сутолоке.

Памяти великого человека

16 декабря 2009 года умер Егор Тимурович Гайдар

Молодежь почти ничего о нем не знает. Ну, был такой экономист... Директор института... Книги писал... Иногда мелькал по телевизору, хотя и редко в последнее время... Между тем это был великий человек, великий реформатор, в корне изменивший нашу жизнь. Если бы каким-то фантастическим образом перенестись в Советский Союз 1991 года, а затем вернуться в нынешнюю Россию, вполне можно было бы подумать, что это две разные страны.

В одной из своих замечательных книг, «Гибель империи», Егор Тимурович приводит письмо советского мальчика, школьника, относящееся к февралю того самого 1991 года:

«На прошлой неделе я стоял в ужасной очереди за мясом. Вы знаете, сколько я там стоял? Мне страшно Вам сказать, но я стоял там 5,5 часа. У нас были очереди (как Вы знаете), но они не были такими большими и мы не стояли в них за всем. Но теперь у нас очереди за всем, начиная от мыла и ботинок и кончая спичками и солью. Мы стоим за рисом, за сахаром, за маслом... И это бесконечный перечень... Раньше я никогда не плакал — у меня сильный характер, но сейчас я плачу часто. Мы стали похожи на животных. Если бы Вы видели наших диких, сумасшедших и голодных людей в ужасных, диких очередях, Вы были бы в шоке... Мне стыдно за мою страну».

Помимо этого письма в книге приводится масса официальных документов, дотоле неизвестных широкому читателю, панически-истерических писем разнообразных чиновников со всей страны, адресованных высшему союзному руководству. Помогите! Спасите! Хлеба, муки, сахара, масла осталось на пятнадцать, десять, на пять дней! Если не поможете — мы погибли! Замминистра обороны умоляет выделить для армии «комплекты суточных рационов военнослужащих бундесвера (сухих пайков), поступающих из Германии в качестве гуманитарной помощи». (Гуманитарная помощь в «страну победившего социализма» шла тогда со всех концов света, словно в какую-то пострадавшую от жестокой засухи богом забытую африканскую республику.)

Такая вот паника и истерика. Вот в какой катастрофической ситуации была страна накануне того момента, когда в правительство в ноябре 1991-го пришли Гайдар и его команда: стерильно пустые полки магазинов, километровые очереди буквально за всем — за хлебом, за молоком, за штанами, за пуговицами, за солью, за спичками...

И уже через короткое время благодаря реформам, которые начало правительство Гайдара (формально — правительство Ельцина: Гайдар там занимал пост вице-премьера по экономике) прилавки каким-то чудесным образом стали наполняться, рубль, который ничего не стоил, стал превращаться в настоящие деньги, командно-административная экономика, в основе которой лежал принцип *распределения* всего и вся, начала обретать черты рыночной экономики. Сегодня ничто уже не напоминает тот страшный, наполненный ожиданиями неминуемой катастрофы 1991 год: полки магазинов ломятся от продуктов и разнообразных товаров.

Ну да, по цене не всем всё, конечно, доступно... Но ведь так и нигде не бывает, чтобы всем было доступно всё. Такое нам обещали лишь в коммунистической утопии. В 1991-м обычному человеку, у которого не было блата в магазине или на базе, ни по какой цене ничего нельзя было достать.

К сожалению, противники Гайдара и его реформ сумели убедить многих, что из-за Гайдара они потеряли свои сбережения, стали хуже жить. На самом деле они потеряли бумажные фантики, которые под видом рублей в изобилии печатали и раздавали последние коммунистические правительства, чтобы заслужить народное одобрение. Что касается ухудшения жизни, ну да, оно было неизбежно. Оно было неизбежно, в первых, вследствие того, что Советский Союз просто-напросто обанкротился. Обанкротился, как обычное предприятие, обычная фирма: в казне практически не осталось денег. И Гайдар взял на себя тяжелую и неблагодарную роль кризисного управляющего. Во-вторых, ухудшение жизни было неизбежно из-за коренной ломки всего и вся — превращению той самой командно-административной, распределительной экономики в рыночную. Но ухудшение, утяжеление жизни, без сомнения, было бы менее глубоким и продолжительным, если бы не повсеместное сопротивление чиновников и политических противников Ельцина и Гайдара, тотальный саботаж реформ, проводившийся под лозунгом «Чем хуже — тем лучше!». «Лучше» — для этих самых чиновников и реакционных политиков. Они прекрасно знали: всё ведь свалят не на них — они спрячутся, останутся в стороне, — всё свалят на самих реформаторов. Так оно и случилось. Свалили. До сих пор сваливают — кликушествуют про кошмарные, провальные реформы девяностых годов. Где бы вы были без этих реформ!

Чаще всего Гайдара обвиняли в том, что, проводя те или иные реформы, участвуя в них, он не жалеет людей, руководствуется лишь некими холодными экономическими расчетами. Но вот характерная для Гайдара позиция. Во время последней нашей встречи мы с ним говорили о том, как в декабре 1991 года готовились и подписывались Беловежские соглашения (как известно, Егор Тимурович принимал в этом активное участие). Многие ругают и эти соглашения: они, дескать, развалили великий Советский Союз. На самом деле они лишь оформили уже случившийся к тому времени распад страны, позволили это сделать предельно мягко (насколько это было возможно). Я спросил Гайдара, гордится ли он тем, что ему довелось стать участником тех исторических событий.

«Понимаете, — ответил Егор Тимурович, — территориальное деление — это всегда трагедия. Поэтому сказать, что ты гордишься... Ну, это просто трагедия жизненная. Потому что масса семей оказывается разделенными. Живут в разных государствах. У них возникают проблемы с элементарными контактами. Масса людей оказывается живущими в странах, которые теперь считаются чужими. Так что сказать, что этим можно гордиться, нельзя. Я горжусь тем, что тогда удалось избежать масштабной гражданской войны по югославскому сценарию, да к тому же в ядерной стране. Вот этим я действительно горжусь. И считаю, что это было сделано правильно, что это спасло нашу страну от возможных губительных потрясений».

Олег Мороз, публицист

Стены падают

Двадцать лет назад рухнула Берлинская стена. В памяти тех, кому сейчас сорок и больше, ее падение осталось грандиозным событием. Те же, кому лет тридцать, вряд ли могут передать своим детям (которые, возможно, уже ходят в школу) какие-то личные впечатления; а уж для нынешних подростков это и вовсе часть чужого, далекого опыта, эпизод из аморфного прошлого, где сливаются в смутный фон все войны, даты и исторические деятели, нашествие Батые с нашествием Наполеона, Первая мировая со Второй. Всего два десятка лет, а уже все быльем поросло. Когда мир меняется так быстро, как сейчас, кажется, куда важнее идти вперед, поспевать за этими изменениями, чем оглядываться назад. А что бездумная гонка часто оказывается бегом по кругу, понимает не каждый и не сразу. И кому же, как не родителям и педагогам, позаботиться о том, чтобы вчерашний опыт не забылся слишком скоро, и снабдить быстроногих, любящих бежать налегке детей, историческим багажом. Пригодится на будущее.

Вот только хорошо бы этот багаж был компактным и не вонял нафталином, как прадедушкино габардиновое пальто или как когдатошние встречи с ветеранами, участниками и «знавшими Ленина». То-то у тогдатошних детей сводило скулы от скуки!

К знаменательной дате и в Германии, и здесь у нас выпущено несколько интересных книг. В подготовке одной из них принимали участие несколько совсем молодых переводчиков, еще студентов, которые взахлеб рассказывали коллегам о том, как им приходилось отыскивать значе-

ние давно утраченных реалий. Рассказы о жизни в ГДР они переводили почти как новеллы Возрождения, с трудом веря в реальность многого из того, что описывали авторы (для того и описывали, чтобы не стерлась память). Один из переводчиков не мог поверить, что были магазины, куда не пускали восточных немцев и где для западных туристов исключительно на валюту продавали «дефицит»! Другой с округлившимися глазами рассказывал о самострелах, нацеленных на тех, кто пытался проникнуть за Стену.

Когда выросшие в Америке дети двух выходцев из Восточной Европы, чеха и венгерки, стали задумываться о своих корнях и спрашивать родителей, почему те уехали из стран, в которых родились, их отец, Петр Сис,

решил рассказать им свою собственную историю. А поскольку Сис — один из лучших в мире художников-иллюстраторов, то он не только написал, но и нарисовал эту историю. Получилась книга «Стена: как я рос за железным занавесом», которая за два года (она вышла в Америке в 2007 году) получила двадцать пять международных премий и была признана лучшим произведением нон-фикшн для детей.

Известный английский драматург и режиссер, тоже уроженец Чехии, Том Стоппард отозвался о ней так: «Это необыкновенная книга об эпохе, которую не стоит забывать».

А вот слова бывшего президента новой Чехии, в прошлом лидера антисоветской оппозиции, Вацлава Гавела: «Эта книга прежде всего о потребности прожить жизнь в свободе и должна быть обязательным чтением для всех, кто воспринимает свободу как данность».

Хорошие слова, правильные и понятные для взрослых. А все, что

Пражская
весна
1968 года!

Рисовать
хочет
каждый.
тайными
мечтами
можно
разрисовать
всю стену.

нарисовано и написано в книге, понятно для детей. Вот в 1949 году в полузадушенной братскими объятиями Советского Союза Чехословакии родился мальчик, который очень любил рисовать. Сначала он рисовал каляки-маляки, потом человечков, дома рисо-

вал, что хотел, в школе — что велели. Потом подросток, «стал играть в рок-группе и рисовать музыку».

Рисунки, подписи, изредка выдержки из дневника героя — слово мало, рассуждений никаких. Как говорится, голые факты. Вот перечисление

того, что обязательно: сбор металлолома, уроки политвоспитания, уборка хмеля, спартакиады, первомайские демонстрации. Словом, «время промывания мозгов». Дядя мальчика в тюрьме — он член волейбольной сборной, которая хотела остаться на Западе; детей ведут смотреть на тело чешского коммунистического лидера Готвальда в мавзолей; газеты восхваляют патристическую хитрость полковника Яна Пиксы, который обманывал желающих бежать из страны: заманивал их на фальшивую границу и передавал спецслужбам; полиция разогнала дубинками молодежь, собравшуюся на концерт американской рок-группы...

Все рисунки в книжке выдержаны в мышино-серых тонах с вкраплениями красных звезд, флагов, галстуков и других атрибутов социализма. И только два разворота взрываются многоцветьем.

1968 год — Пражская весна. «Дубчек! Джинсы! Длинные волосы!» Девятнадцатилетний ди-джей и начинающий художник получает разрешение поехать в Англию. Но не успевает... 21 августа в Прагу входят советские танки.

Все же Петр заканчивает художественный институт, делает первые мультфильмы, за один из которых получает в 1980 году крупную премию на фестивале в Западном Берлине. Гораздо труднее оказалось получить разрешение на выезд в капиталистическую страну. Наконец, чиновница, от которой это зависело, назначила плату за свою услугу: молодой человек должен был привезти ей с Запада ножницы для стрижки любимого пуделя.

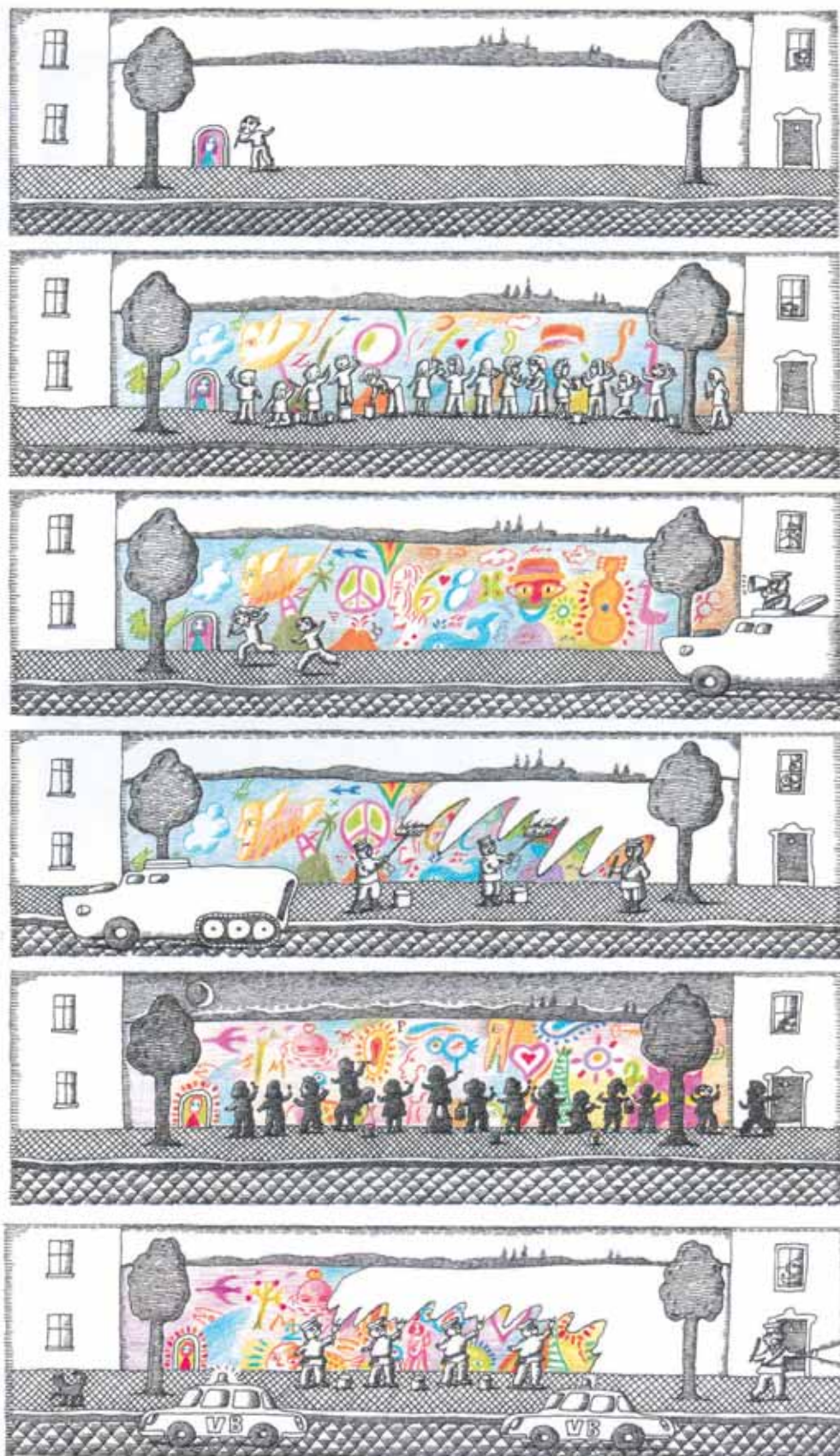
Вскоре Сиса приглашают работать в Америку, где он и остается.

Второй всплеск цветов — падение Стены. И хоть рухнула она в Берлине, но 9 ноября 1989 года стало вехой в истории всей Европы: нет больше Стены, нет железного занавеса.

«Одна стена рухнула, но появляются другие во всем мире, символические, идеологические и реальные, — завершает свой рассказ Петр Сис. — Стены страха, несвободы и недоверия. Стены, без которых наша жизнь могла бы быть свободнее и счастливее».

Из книги, как из песни, слова не выкинешь и нового не вставишь, а как хотелось бы увидеть еще одну страничку: кучка храбрецов вышла 25 августа 1968 года на Красную площадь, протестуя против оккупации Чехословакии и всемером спасая честь всей страны.

Об этом подвиге стоило бы сказать на открытом уроке истории, который проходил 5 декабря на детской площадке московской книжной ярмарки «Нон-фикшн». Учитель Дмитрий Ярмолицев и сотрудница Сахаровского музея Александра Поливанова разговаривали с подростками,

— Они решили: пусть никто не уходит из этого Варшавского договора, пусть железный занавес остается нерушимым. В то время из Восточного Берлина в Западный отдельные люди уже перебегали, а тут, если бы целый народ убежал из восточного блока в западный, им бы это о-очень не понравилось, это был бы ужасный удар по их имиджу!

— А что изменилось теперь? — спрашивает учитель.

Если сложить отдельные реплики, ответ получится примерно такой:

— Теперь есть свобода: смотреть любое кино, слушать любую музыку, носить любую одежду, свободный культурный обмен и свободный выезд. Это самое главное: если тебе здесь не нравится, можно свободно свалить!

На «взрослом» обсуждении выхода в свет книги о Стене и Занавесе представитель чешского посольства заметила: «Петру Сису и во сне не могло присниться, чтобы его книга появилась в России!» Что ж, она появилась: как-никак, стены больше нет.

Наталья Мавлевич

первыми читателями книги Петра Сиса, изданной по-русски (издательский дом «Самокат», перевод Ксении Тименчик).

Любопытно, что ни один из них не счел себя задетым тем, что Петр Сис без симпатии говорит о Советском Союзе. Оно и понятно: ведь они живут в другой стране! Взрослые же нередко обиженно поджимали губы. Даже среди учителей, получивших приглашение прийти и привести детей на этот урок, нашлось немало таких, кто счел его антипатриотическим актом. Ребят тоже спросили о патриотизме: как они относятся к рассказу Сиса о своей родине и к тому, что он остался на Западе?

— Любовь к родине, к месту, где ты живешь, и любовь к режиму — не одно и то же, — ответила девочка с дредами. — А если бы Сис не любил свою родину, он бы и не стал делать эту книжку.

— В Америке он остался потому, что там можно самому добиться, чего хочешь, — рассудил басистый подросток. — Это же естественно: когда человек вырвется из клетки, ему не хочется обратно!

Между прочим, наивным восторгом перед всем американским, как и огульным антиамериканизмом, наши дети, похоже, не страдают:

— Мы сейчас видим без иллюзий все хорошее и все плохое там и здесь. А когда все штормовало: «У нас хорошо, у них плохо», — конечно, казалось, что все наоборот.

Вполне грамотно дети разобрались, почему советские власти послали танки в Чехословакию:

Пригов — это наш Пригов, это наш Пригов...

Евгений Попов

Вынужден признаться, что я уже в третий раз пишу заново этот «материал». Примерно месяц назад остроумно, на мой взгляд, сочинял всю ночь, сохранил файл под названием «Пригов.doc», а на следующий день все сочиненное у меня из компьютера исчезло бесследно. Неделей позже стали появляться в новом уже тексте какие-то квадратики и полоски. Я с ними боролся-боролся, как с сорняками, да и стер всё случайно до основания, пошел купил хлебного вина.

Чистосердечно признаюсь, что тогда я хотел было вступить в скрытую полемику с теми высоколобыми гражданами и строгими гражданками, которые Пригова нынче вовсю *изучают*, авторитетно рассуждая, кто он все-таки такой, Дмитрий Александрович — Данте Алигьери периода упадка советской империи, антрополог культуры, когнитивный этнолингвист, релевантно имплицитующий реальность, или просто «наше всё», то есть Пушкин. Кто-то залепил, что он вообще, может, даже и какой-нибудь там пришелец, посланный с иных планет и миров на нашу скудную Землю.

Вот и думаю теперь: а мне это надо было — с кем-то полемизировать, когда я отродясь этого не делал? Уж не сам ли Дмитрий Александрович меня *оттуда* предостерег тайными компьютерными знаками, чтобы я не впадал в суету? Поэтому я теперь буду лишь факты-факты излагать, писать «сущностью, сухой струей, прямым путем», как некогда учил всех нас Андрей Платонов.

Я когда с Приговым познакомился в 1980 году, то совершенно не знал, кто он такой. Ибо был он тогда полностью сформировавшимся продуктом андеграунда, где считалось хорошим тоном сказать: «Стихи твои, товарищ, такое говно, что их можно даже и в журнале «Юность» напечатать». Я же только-только в андеграунд был низвергнут после кратчайшего (7 мес. 13 дней) пребывания в Союзе советских писателей и только-только осваивал это новое для меня пространство.

Филипп Берман, Николай Климонтович, Евгений Козловский, Владимир Кормер, Евгений Харитонов, Дмитрий Александрович и примкнувший к ним я создали некий «Клуб беллетристов», выпустили в американском «Ардисе» альманах собственных сочинений под названием «Каталог», испытали конгениальные альманаху и клубу приключения с «компетентными органами», а дальше померли подряд Брежнев, Андропов, Черненко и началась так называемая «перестройка», которая закончилась тем, что вы видите в телевизоре, в окошке или выйдя на улицу.

Мы с Д. А. тогда крепко подружились не только на почве взаимных симпатий к литературе и сопутствующей ей прекрасности жизни, но и потому, что жили по московским меркам рядом. Он с женой Надей Буро-

вой и сыном Андреем — в Беляево, я и моя жена Светлана Васильева — в Теплом Стане. Пешее расстояние между нами по лесу составляло минут сорок, и Д. А., любитель свежего воздуха, частенько навещал нас, по дороге развешивая на осинках и березках свои знаменитые объявления, за которые его однажды засадили на ночь в дурдом, откуда на следующий день выпихнули, потому что год уже был 1986-й, а не 1980-й, 1949-й или, упаси бог, 1937-й. Так что, когда я читаю сейчас в некоторых статьях, что он «подвергался психиатрическим преследованиям», то воспринимаю это как некомпетентную неряшливость. Кто тогда жил, тот меня понимает. А кто не жил, пусть почувствует разницу, может, пригодится: одно дело, когда диссидента годами «карательная медицина» гнобит, другое — мелкий эпизод жизни крупного поэта. Которому в психушке, по его словам, «даже понравилось», потому что он встретил там «сына Павлика Морозова», о чем и сообщил нам, когда мы с Виктором Ерофеевым его оттуда вытащили с помощью Беллы Ахмадулиной и режиссера Владимира Аленикова, популярно объяснившего главврачу этого скорбного заведения, что времена уже не те, что гэбэшники врача подставили и отвечать за содеянный «базар» будет в конечном итоге именно он, а не дяди с Лубянки. Не думаю, что Д. А. испытывал бы сходные эмоции, если бы застрял там «всерьез и надолго».

Кстати, о моей жене Светлане Васильевой. В 1981 году мы с ней решили оформить наши отношения путем записи в книге Записей Актов Гражданского Состояния Черемушкинского района г. Москвы (с 1982 года — Брежневский район, с 1989 — снова Черемушкинский). Дело было 13 февраля, в пятницу, Россия в это время еще покрыта обычно снеговым покровом, и Пригов, который жил рядом с ЗАГСом, явился на бракосочетание в своей знаменитой шапке с подвязанными на затылке ушами, сапожках, в которые были заправлены черные штаны, и самиздатским сборничком стихов, где были следующие строки:

Женись, Попов! А мы посмотрим
Присмотримся со стороны
Женися, коли предусмотрен
Законодательством страны
Такой порядок оформления
Любви материи живой
В нем дышит принцип мировой:
Что не оформлено — то тленье.

Цитирую с сохранением пригововской орфографии по изданию: Евгений Попов. *Душа патриота, или Различные послания к Ферфичкину*. М., «Текст», 1994. Где описано, как мы с Д. А. в день смерти упомянутого Брежнева гуляем по Москве, пытаясь пробраться к его гробу, дабы лично убедиться, что он действительно умер. Уни-

кальное, между прочими, было издание «на троих», со стихами Пригова и рисунками гениального графика Славы Сысоева, который в свое время получил два года за свои карикатуры, а теперь находится примерно там же, где и Брежнев, где и Дмитрий Александрович, где и все мы будем.

Свидетелями на церемонии были Белла Ахатовна Ахмадулина и Инна Натановна Соловьева. Борис Асафович Мессерер расстелил прямо на уличном снегу синюю скатёрку, подарок Сергея Иосифовича Параджанова, застреляло шампанское, дамы все поголовно почему-то были в черном и рыдали. «Сектанты женятся», — говорили прохожие.

Свадьба была в «стекляшке» на станции Переделкино, половина гостей имела «прокурорские предупреждения» о том, что гражданин такой-то находится «на пути совершения преступления»: создание, распространение клеветнических, идейно ущербных сочинений и т. д. Пригову, например, вручили бумагу, где было написано нечто вроде «глумится над советским общественно-политическим строем». Когда он вежливо спросил, что именно имеется в виду и попросил привести при-

меры такового его глумления, ему угрюмо ответили: «Сами всё понимаете». Хорошая была свадьба! Наняли баяниста и принялись плясать под мелодию Раймонда Паулса на слова Андрея Вознесенского: «Барабань, барабань, даже если сердце пополам». Пригов, чтоб вы знали, не только хорошо пел, но еще лучше танцевал.

Тогда Дмитрий Александрович еще не был знаком с Андреем Андреевичем. Теперь, когда каждый из них в своей страте равнозначен другому, я должен поведать вам о первом знакомстве этих двух несомненно великих людей.

Было это на выставке Бориса Мессерера, которую ему впервые разрешили после скандала с «Метрополем» году эдак в 1983-м, на улице Вавилова, по-моему, там, где раньше были всякие художественные мастерские, около Черемушкинского рынка, а что сейчас — не знаю. Наверное, какие-нибудь офисы. Московская богема радовалась, что ее Король (таково было прозвище Мессерера в этих кругах), кажется, выскользает из-под партийного пресса, раз выставка. Появился как всегда стильно и ярко одетый Вознесенский в синем вельветовом пиджаке, и Ахмадулина сказала:

— Знакомся, Андрюша. Вот Дмитрий Александрович Пригов. Тоже, между прочим, поэт.

Не помню, обменялись ли поэты рукопожатиями, и спросить теперь уже некого. Помню, что особой радости у Андрея Андреевича новое знакомство не вызвало, это уж потом жизнь сблизил. Она ведь или сближает, или разводит, а третьего, как всегда, не дано.

А вот в 1984 году я в первый и, очевидно, в последний раз в жизни оказался в Тбилиси. Там было много замечательных историй. Встреча в вестибюле гостиницы «Иверия» с Евгением Рейном, который решил принять участие в моей судьбе и повел меня к какому-то грузинскому главному издательскому редактору, чтобы тот дал мне переводческую работу, объяснив это тем, что я — выдающийся русский писатель, и у меня жена красивая, и по этим причинам мне нужно много денег. Грузин работу не дал, но в качестве компенсации сообщил мне и Рейну, что тут вот только что умер «один хороший человек», и мы можем поехать на поминки, «там покушаете и попьете, ребята». Или как Белла Ахатовна на горе Мтацминда славно оттянула пристававшую офицера, который громко, желая привлечь внимание окружающей публики, проинформировал *саму Ахмадулину*, что если кто попьет из здешнего источника, тот будет жить двести лет. «Интересно, в каком чине вы будете через двести лет?» — заинтересовалась Белла. Или как больной Параджанов, гостеприимно лежа в несвежей постели, возопил, когда мы уходили (там еще присутствовал в его комнате молодой священник): «Заберите с собой попа! А то у меня с ним будет роман, и меня снова посадят!». Или как Зураб Церетели показал нам в своей тбилисской мастерской, размерами напоминающей Дворец культуры маленького промышленного городка, сотовый спутниковый телефон, который все мы тогда увидели впервые.

Но я об этом когда-нибудь позже или никогда. Я сейчас о Дмитрие Александровиче Пригове. Я — о серьезном, истинном, главном. Потому что именно тогда он

крестился в православную веру, и я стал его крестным отцом в прямом смысле этого слова. Подробностей этого очень важного для души Дмитрия Александровича действия, произошедшего в храме Святицховели, что в Мцхете, я приводить почему-то не хочу, но факт этот, свидетелями которого являются Белла Ахмадулина, ее дочка Лиза, Борис Мессерер, Светлана Васильева, Чабуга Амиреджиги и два его юных друга с забытыми мною именами, я вас прошу зафиксировать в своем сознании, если вы хотите Пригова еще больше понять и полюбить. Свидетельствую также, что Пригову я в крестные не навязывался, он сам меня об этом попросил и вообще был крайне серьезен и даже торжественен, отнесся к крещению безо всякого там *постмодернизма* или, упаси бог, *концептуализма*, мир обоим этим литературно-художественным начинаниями; интересные начинания были, между прочим, как мог бы выразиться персонаж Фазиля Искандера. Я-то лично считаю, что Художник он и есть Художник, как роза есть роза, баба есть баба, а эвенок есть эвенок. В какую бы команду Художника ни определяли окружающие, да и он сам. Думаю, Пригов бы со мной согласился, хотя никаких теоретических споров мы с ним обычно не вели. Однажды, правда, находясь в состоянии алкогольного опьянения на квартирном чтении Дмитрия Александровича, я с прямою подвыпившего мужика задал ему вопрос:

— Дмитрий Александрович, до какой степени можно разрушать искусство?

— Искусство разрушить невозможно, Евгений Анатольевич, — с достоинством ответил он мне.

И я признал его правоту тогда, признаю и сейчас.

И вот когда что-то там уже стало *можно*, и я вновь стал *как бы* официалом, то в «Литературной газете» состоялась первая в СССР публикация стихов Д. А. Пригова, предваряемая моим кратким предисловием, где были слова о том, что Пригов, которого считают родоначальником московского концептуализма, в моих глазах — всего лишь крупный русский лирический поэт типа Надсона, отличающийся от последнего большим процентом шедевральности сотворенных стихотворений. А поскольку Пригов к тому времени уже написал больше стихов, чем Надсон, то он, значит, и крупнее Надсона, если, конечно, поэты стали бы меряться размерами своих талантов, как дети мужского пола меряются известно чем.

Взгляд, возможно, что и варварский, но я до сих пор уверен, что верный. Потому что недавно обнаружил стихи Пригова, написанные им в начале 60-х, задолго до «милицианера», «образа Рейгана в советской литературе», инсталляций, теоретических статей и романов, в одном из которых я, как мне сообщил Д. А., выведен в виде буддистского монаха по имени Вопоп Йингве.

Небо с утра позадернуто тучами,
День по-особенному неуютн.
Так вот живу я, как будто бы мучают,
Будто бы жить на земле не дают.
Кто не дает? Все дают понемножечку,
Этот дает и вот этот дает.
Так проясняется все понемножечку,
Время проходит, а жизнь не идет.

Так что — нежный, нежный поэт и человек был Дмитрий Александрович, а отнюдь не суровый воитель искусства, разящий своим мечом всех неверных какой-либо очередной «генеральной линией». Он ни на чем не настаивал. Он просто жил и писал. Пел. Танцевал. Рисовал. Выступал. Иногда на выступлениях кричал «кикиморой». Но вряд ли это страшный грех для православного.

Этим он выгодно отличался от многих своих коллег и в какой-то степени единомышленников. Я был крайне поражен, когда один из них в ответ на мои краткие краткие слова о Пригове прислал всё в ту же «Литературку» разоблачение на десяти страницах, где утверждал, что основателем «московского концептуализма» на самом деле является он, а я незаслуженно, скорей всего «по блату», приписал эту высокую честь своему дружку. Я был крайне поражен, что и здесь, в андеграунде, такое бывает, полагая, что подобные взаимоотношения — прерогатива официального Союза писателей, которому тогда и жить-то оставалось уже всего ничего, до первого коммунистического путча 1991 года.

Дальнейшее известно всем не меньше самого поэта Дмитрия Александровича Пригова, который теперь известен всем, всей стране. Что и называется славой. Заслуженной, обеспеченной славой, как на той самой советской картине художника Лактионова «Обеспеченная старость», где престарелые актеры пьют чай и кушают сушки в креслах элитного Дома призрения мастеров сцены. Думаю, что если, например, спросить даже Аллу Борисовну Пугачеву, которая недавно получила к 60-летию высокий орден из рук президента Медведева, знает ли она, кто такой Пригов, примадонна ответит утвердительно. Я почему про Аллу Борисовну? Потому что меня с ней однажды, теперь уж много лет назад, случайно познакомили в полуночный час в ресторане Дома кино, и я ей сказал правду: что есть-де в Москве такой замечательный поэт Пригов Дмитрий Александрович, который мечтает с нею познакомиться. «Так поехали же к нему немедленно!» — воскликнула певица. Но по не зависящим ни от кого обстоятельствам эта поездка не состоялась, вместо этого мы исполнили с ней дуэтом песню «На тебе сошелся клином белый свет».

Так что искусство Пригова теперь принадлежит народу.

И какой уж там Пушкин, какой Данте Алигьери, другие выдающиеся персоны мировой литературы. Ведь в литературе каждый занимает свое место или не занимает его вообще. А то, что Пригов и сам неоднократно объявлял себя новым Пушкиным и говорил «как звезда с звездой» с Толстым, Достоевским, Сталиным, Гитлером, Шолоховым, Горьким, Маяковским, Цезарем, Чапаевым, Катуллом и Хокусаяма, — изящная провокация, на которую купились ученые лохи, относящиеся к культуре со «звериной серьезностью» (термин В. П. Аксенова). Пригов — это наш Пригов, это наш Пригов, это наш Пригов... И так — до бесконечности. И так будет теперь всегда. Так теперь будет вечно. Спи спокойно, товарищ и крестник, на Донском кладбище столицы. Твоя миссия выполнена. Хорошее, между прочим, кладбище, правда, Дмитрий Александрович?

Моё падение было совершено лишь из желания Инициация

вырасти в глазах отца и матери

Сергей Гандлевский

Э

то история одного моего человеческого падения сорокалетней давности, а заодно — беглая зарисовка нравов той поры. Я бы не стал каяться напоказ — убивать двух зайцев разом: и грех признанием обнулять, и собственную совестливость, потупя взор, демонстрировать, но весь фокус в том, что это мое падение было совершено не ради дурных целей, а лишь из желания вырасти в глазах очень хороших и дорогих мне людей — отца и матери.

А теперь я себя тогдашнего для пущего контраста немного похвалю — начну, так сказать, за здоровье. Мне уже случалось вкратце описывать обычаи московского двора конца 50-х — начала 60-х годов. Ничего особенного, дворовое детство как дворовое детство: у нас на Можайке играли в казаки-разбойники и в штандер, вешали кошек, гоняли до одури на велосипедах, травили слабых и странных, мерялись женилками и грязно фантазировали о женщинах, играли «в ножички», дрались, мирились и т. п. В этих детских джунглях я не был «белым и пушистым», но и не подличал из трусости, хотя бациллу сосущего желудочного страха подцепил — и всё никак не выведу. Но мне все-таки однажды хватило решимости построить соседских гавриков «свиньей», чтобы сообща избить наконец-то великовозрастного живодеда Сидора. (Бросившись вперед с призывным воплем и налетев на гада, я обернулся и увидел мое войско стоящим, где стояло.) И раз, и два, случалось, прикладывала мне мама «холод» к носу, разбитому в результате заступничества за меньшого Когана, «жида и жиртреса», или за старика-безумца Светика, кротко бряцающего иконостасом орденов из фольги под шквальным огнем снежков. Это я всё к тому, что кем-кем, а приспособленцем тише воды, ниже травы я не был: сказывалось влияние достойной семьи и, конечно, — чтение. Воображать о себе бог весть что за каким-нибудь Стивенсоном, а час спустя безропотно сносить зуботычины в подворотне как-то не получалось, приходилось напрягаться, худобно приводя грезы и явь в соответствие.

Потом я стал отроком, надумал заделаться писателем и перевелся, вопреки родительской воле, из математического класса в гуманитарный, где литературу преподавала Вера Романовна Вайнберг, выпускница ИФЛИ, женщина умная, благородная, красивая и одинокая, видимо потому, что все ее кавалеры полегли на войне. Она баловала и захваливала меня сверх всякой меры. Наверное, благодаря ей на совершенно пустом месте я робко поверил в свою звезду. Почти ежедневно мы засиживались с ней допоздна в учительской за прекрасными разговорами. Внезапно она смотрела на часы, спохватывалась, я ловил для нее такси, а сам

отправлялся восвояси — рассеянно готовить уроки и мысленно продолжать недавний прекрасный разговор.

Долго ли, коротко ли, мне стукнуло шестнадцать — настало время обзаводиться паспортом. И как-то после воскресного обеда отец отозвал меня на пару слов с глазу на глаз. Не буквально, но вполне достоверно я могу воспроизвести давнишний отцовский монолог.

— Ты, конечно, понимаешь, что национальность — полная фикция, дичь, варварский предрассудок. Никакого подлога в том, чтобы записаться русским, для тебя нет: ты родился и живешь в России, и мать твоя — сто-процентная русская. Кстати, у евреев, да будет тебе известно, национальность передается по матери. Надеюсь, что ты уже взрослый и ради мальчишеской фронды не наломаешь дров.

Так мой заботливый папа взял меня «на слабо» в довольно болезненном для всякого юнца пункте — в желании казаться старше... А тогда быть взрослым означало, среди прочего, довести до автоматизма навык — думать одно, а говорить другое, в лучшем случае держать язык за зубами. Ведь звучал же многократно после застолий родительского дружеского круга обращенный ко мне рефрен: «Надеюсь, ты уже взрослый и понимаешь, что далеко не все из того, что говорится в домашних стенах, следует повторять во дворе или в школе...»

И отцовская уловка подействовала, тем более, что меня не могло не огорчать, когда на мои тирады отец из раза в раз досадливо морщился: «Ох уж этот мне юношеский максимализм». Словом, я решил, как поросянок из английского стишка, сказать свое возмужалое «хрю-хрю» вместо мальчишеского «и-и» — и сделался обладателем безупречного паспорта.

Мой поступок и самому мне показался удачным, даже в чем-то эффектным, с горчинкой взрослой испушенности, что ли... Иначе для чего бы я завел разговор на эту тему с Верой Романовной?

— Вы далеко пойдете, — сказала она после страшной паузы. — Мало того, что общество держит вашего отца на особом счету, от него еще родной сын шарается.

Мое счастье, что я не видел себя в этот момент со стороны. Но мне и изнутри хватило. Разумеется, отец был по-отцовски прав, и силлогизм его касательно сыновней национальной принадлежности был заманчив, как всякая казуистика, к которой прибегает любовь. Но мне-то, что мне после всех стивенсонов и дворового опыта позволило клонуть на эту жертвенную демагогию? Почему я не дал отцу повода втайне гордиться мной?

Если заглянуть в любую энциклопедию, любую публикацию, посвященную Огдену Нэшу, он в ней будет назван непревзойденным мастером легкой поэзии — «поэзии-лайт». (Слово «лайт» ныне хорошо знакомо нам и без перевода по надписям на бутылках с прохладительными напитками и пачках сигарет, что уже могло бы стать темой для стихотворения Нэша.) Хотя представляется гораздо более уместным, преодолев «трудности перевода», назвать Огдена Нэша мастером *светлой* поэзии.

Огден Нэш родился в 1902 году, свою деятельность начал в издательстве Дабблдей, где он и «дабблдействовал», по его же словам, пока как-то не набросал стихотворение «В Мюррей-хилл пришла весна», которое поначалу выбросил в корзину для бумаг, но потом разыскал его и отправил в журнал «Нью-Йоркер», где оно и было опубликовано в 1930 году. Так началась его славная литературная карьера. Он написал множество книг для детей и взрослых, хотя сказать с определенностью, какие из них для детей, а какие для взрослых, — весьма

затруднительно. Его стихи неизменно смешны, виртуозны, язык экстравагантен, но если внимательно приглядеться к его стихам — а иначе и нельзя — окажется, что в них заключен весь мир со всем трагикомизмом его бытия.

Поэтическим поводом для Нэша может служить все, что угодно, все, что окружает нас в повседневной жизни, и Нэш умеет этим распорядиться. Его поэтический стиль разнообразен: от чрезвычайно коротких стихов буквально из двух-трех слов (именно ему принадлежит самое короткое стихотворение на английском языке) до стихов, написанных длинными, почти безразмерными строками с яркой парадоксальной рифмой, которые позволяют вычленивать поэтические вкрапления из окружающей нас повседневности, из прозы жизни. А искажения на рифме только подчеркивают, что всего пара букв, звуков отделяют прозу от поэзии, они как бы говорят: чуть-чуть подправь орфографию, и проза станет поэзией.

Один из американских журналов назвал Нэша «божественным даром Америке».

Возьмите на заметку: старость прекрасна

Люди и ныне и присно живут в Джексонвилле,
Санкт-Петербурге, Тампа или Толедо,
Но вам вовсе не обязательно жить присно, чтобы обрести
статус деда.
Требования к обретению этого статуса весьма умеренны
и известны каждому практически с пеленок:
Вы просто должны подождать, пока собственного ребенка
не заведет ваш ребенок.
С этого момента вы становитесь сами на себя не похожи,
Поскольку иногда вы чувствуете себя на тридцать лет
старше, а порой — лет на тридцать моложе.
Именно теперь вы начинаете понимать, до какой степени
идиотизма дошел тот идиот,
Который смел утверждать, что на долю бабушкам и дедушкам
достаются одни забавы и не достается
никакой ответственности и никаких забот.
Вот она, самая соблазнительная паутина лжи, которая была
кем-либо соткана; как эти «кем-либо» были не правы!
Ибо, ясное дело, каждый желал бы завести младенца, который
не доставляет окружающим хлопот,
а приносит им одни забавы.
Тем не менее, обойди мы хоть полмира, вряд ли кого,
кроме разве что какого-нибудь простофили, встретим,
Кто доверил бы воспитание младенца собственным детям.
Так что именно вы должны вырастить вашего внука
от подгузников до брюк и от соски до навыков
обращения с чашкой или стаканом,
Поскольку вы точно знаете, что у вашего собственного ребенка
не достанет здравого смысла справиться
хотя бы с ураганом.
Вам, конечно, вовсе не обязательно жить присно, чтобы
обрести статус деда, но, если хоть как-то
жить вы все-таки хотите,
Мой вам совет: не шутите.
Если вы желаете достичь конца своего пути, не будучи
зарезанным в собственной кровати,
Не вздумайте как-нибудь сказать: мол (цитата), нет ничего
плохого в положении дедушки, кроме того, что он
женат на бабушке — конец цитате.

Странный случай с мистером Ормантьюдом

Жил как-то жених по имени мистер Ормантьюд,
чья благородные намерения от мнения окружающих
не могли пострадать нимало,
Поскольку все в нем к счастливому браку располагало.
Поэтому стоит ли удивляться тому, что, взявши на себя
брачный обет,
Он пребывал в семейном счастье на протяжении
долгих пятидесяти лет.
Чтобы дни и ночи его жены были безмятежны,
он в течение всех суток
Проявлял внимание к каждой ее слабости
и был исключительно чуток.
Он научился бормотать ее любимые церковные гимны
не хуже каких-нибудь аббатов
И взял за правило предупреждать любую ее прихоть
или любой ее каприз.
А сколько замерло на его устах острот,
Только чтобы не затмить рассказываемый ею анекдот.
Он предпочитал промолчать, если жена его была не права,
И не вступал в полемику, если не был уверен
в своей неправоте настолько, чтобы она не могла
не насладиться минутами торжества.
Всегда, будучи рядом с женой, он старался сделать
что-нибудь ей в угоду,
Неизменно делая скидку на ее принадлежность
к женскому роду.
Смягчать ее раздражительность он считал своим
предназначением высшим,
Ибо необходимость относиться с пониманием к своей супруге
он сделал своего рода фетишем.
Так что любой счел бы золотой юбилей их свадьбы
как с большой вероятностью ожидаемый,
Но в самый его канун мистер Ормантьюд был со знанием дела
отравлен собственной супругой, которая устала
быть постоянно понимаемой.

Перевод М. Матвеева

Рыба, и не только

Начнем новый год
на нашей кухне с закусок.
С рыбных закусок —
давно мы о рыбе не говорили...

С маринованными грибами

150 г маринованных грибов, 150 г рыбы, 150 г картофеля, 100 г сладкого стручкового перца, 50 г репчатого лука, 2 столовые ложки растительного масла, лимонный сок, черный молотый перец, соль.

К маринованным грибам и красному стручковому перцу, нарезанному полосками, добавить мелко нарезанный отваренный картофель, измельченный лук и сваренную, очищенную от костей и мелко нарезанную рыбу. Смесь посолить, поперчить, полить маслом и лимонным соком по вкусу, размешать. Готовый салат украсить мелко нарезанным репчатым луком и маленькими маринованными грибами, разрезанными пополам.

Филе и молоки сельди с грибами

500 г помидоров, 60 г шампиньонов, 250 г белых грибов, 2 луковицы, филе 4 сельдей, молоки 1 сельди, 200 г майонеза, 2 столовые ложки творога, 2 столовые ложки растительного масла.

Нарезать кубиками предварительно вымоченное в молоке филе сельдей, отваренные и тушеные в масле белые грибы, консервированные шампиньоны, лук и свежие помидоры; всё перемешать. Залить салатной заправкой, перемешать и охладить. Заправка готовится так: с растительным маслом и творогом растереть молоки (можно икру) сельди, смешать с майонезом по вкусу.

Зубатка с брынзой

6 филе (по 500 г) отварной зубатки, 1 яблоко, 1 лимон, 200 г брынзы, 1 луковица, 1 соленый огурец, 100 г сметаны, пучок петрушки, перец, соль по вкусу.

Нарезать филе кусочками и выложить на блюдо. Яблоко, лук, огурец нарезать кубиками, перемешать, добавить сок, выжатый из лимона, соль, перец, затем сметану. Этой смесью залить рыбу. Посыпать ее натертой брынзой, украсить зеленью петрушки.

Копченая рыба с укропом

300 г листового салата (латука), 50 г репчатого фиолетового лука, 100 г укропа, 200 г любой копченой рыбы.

Салат и укроп промыть в холодной воде, обсушить чистым полотенцем. Порвать салат на мелкие кусочки (резать ножом не стоит — зелень теряет много сока). Укроп порубить, лук нарезать тонкими кольцами. Рыбу освободить от костей и нарезать мелкими кусочками. Всё смешать, заправить растительным маслом.

Копченая рыба с макаронами

125 г макарон (спиральки), 200 г рыбы горячего копчения, 2 небольших яблока, 1 луковица, 200 г майонеза, соль, красный перец.

Макарон отварить в подсоленной воде, откинуть на дуршлаг. Яблоки, очистив и удалив сердцевину, нарезать мелкими кубиками. Из рыбы удалить кости. Нарезать кубиками. Всё перемешать. Майонез смешать с тертым луком и этой смесью заправить салат. Добавить соль и красный перец.

Тунец с сельдереем

300 г тунца консервированного в масле, 150 г корня сельдерея, 4 яйца, сваренных вкрутую), 1 огурец, майонез, соль — по вкусу.

Смешать нарезанные кусочки тунца, корня сельдерея, огурца, четвертинки яиц. Заправить майонезом, солью, выложить в салатницу. Украсить листьями салата или зеленью, маслинами.

Тунец с ананасами

5 яиц, 5 картофелин, 1 банка тунца в собственном соку, 1 яблоко, половина банки консервированных ананасов, 5 зубчиков чеснока, майонез.

Сварить и порезать яйца. Сварить картофель в мундире, остудить и натереть на крупной терке. Тунца размять вилкой, ананасы мелко нарезать, яблоко очистить от кожуры и натереть на крупной терке, чеснок мелко порезать (давить нежелательно). Смешать всё, добавив майонез по вкусу.

Осетрина с хурмой

300 г осетрового филе, 2 хурмы, 100 г сметаны, 3 чайные ложки паприки, половина лимона, соль.

Осетровое филе промыть холодной проточной водой и отварить, добавив по вкусу соль. Остудить и нарезать небольшими кусочками. Хурму вымыть, удалить косточки и нарезать маленькими кубиками. Лимон очистить от цедры, удалить косточки и мелко нарезать. Смешать в салатнице измельченное филе и хурму, заправить свежей сметаной и паприкой. Поверх готового салата выложить мелко нарезанный лимон. Перед подачей на стол поставить на 15 минут в холодильник.

Угорь с яблоками и огурцом

300 г угря, 2 яблока, 1 огурец, зелень петрушки и укропа, 100 г майонеза.

Угря отварить и охладить, нарезать небольшими ломтиками. Такими же ломтиками нарезать яблоки и огурец. Перемешать с зеленью петрушки и укропа, посолить, заправить майонезом.

Коктейль из морепродуктов

300 г креветок (очищенных), 300 г мидий (подкопченных), 4 огурца, 4 манго, 100 г сухариков из белого хлеба, 5 яиц (сваренных вкрутую), оливковый майонез, 10-процентные сливки, соль.

Огурцы очистить от кожуры и нарезать тонкими ломтиками. Яйца мелко нашинковать. Манго очистить от кожуры и косточек, нарезать ломтиками. В широкие бокалы ингредиенты разложить следующим образом: сухарики, огурцы, мидии, яйца, креветки, манго. Залить коктейль заправкой, приготовив ее из майонеза и сливок в пропорции 2:1 (при желании подсолить).

Скончался французский философ и антрополог Клод Леви-Стросс, прозванный отцом современной

антропологии. Ученому было 100 лет. Леви-Стросс считается создателем школы структурализма в этнологии, он автор множества научных и философских работ.

Как сегодня общественность, научная и интеллектуальная элита Франции реагирует на смерть человека-легенды? Парижский обозреватель Радио Свобода Семен Мирский:

— Все согласны в одном: смерть человека, дожившего до ста лет, — это, разумеется, не трагедия. Но коль скоро покойного звали Клод Леви-Стросс, множество людей, причем не только антропологи и этнологи, чувствуют себя сегодня осиротевшими. Таков лейтмотив, с которым Франция и весь мир прощаются с тем, кого чаще всего называют последним гигантом, последним великим ученым, жившим среди нас.

Что же сделал на своем веку Клод Леви-Стросс, создатель современной антропологии, человек, знавший все об исторических истоках застольных ритуалов, об архаическом мышлении, о природе мифов, создавший типологии так называемых холодных и горячих культур, давший мощные импульсы современной лингвистике? Его написанная совместно с Романом Якобсоном статья о стихотворении Бодлера «Кошки» остается, как говорят французы, моделью жанра. Ибо в этой

небольшой работе два гения показали, что уходящая от всяких определенных категория красоты имеет свою собственную структуру и собственную логику.

жизнь людей, племен, обществ и народов — вещь увлекательная и волнующая, достойная самого пристального внимания и изучения. Одним словом это называется — гуманизм.

Оставил он нам и книгу «Печальные тропики» — его самое заметное произведение, которое не забудет человек, хоть раз взявший эту книгу в руки. «Печальные тропики» — это не только исследование жизни архаических, так называемых примитивных племен, но и прекрасный образец литературного текста, написанный с размахом и юмором. Чего стоит одно признание автора: «Я терпеть не могу путешествий».

Среди бесчисленных откликов памяти Клода Леви-Стросса, включая отклики всех представителей политической и научной элиты Франции, особенно надо отметить то, что сказала его преемница на кафедре антропологии Колледж де Франс профессор Франсуаза Эритель, бывшая в 50-е годы его студенткой. Ее слова об учителе неожиданны и поэтому особо врезаются в память: «Когда он смотрел на вас, казалось, что на вас смотрит слон. Взглядом внимательным, всезнающим и видящим вас насквозь».

Итак, как говорится в таких случаях, прощай, учитель! Человек, на примере своей жизни продолжительностью в сто лет показавший, что

Департамент министерства обороны Великобритании, занимавшийся расследованием сообщений о наблюдении НЛО, закрыт после 60 лет работы. Руководство министерства пришло к выводу, что нет необходимости в дальнейшей работе подразделения, на которую из бюджета тратилось 50 тысяч фунтов стерлингов ежегодно: расходование средств, выделяемых на оборону, нецелесообразно.

По словам представителя ведомства, реагирование на каждое сообщение о наблюдении НЛО «препятствует использованию средств, выделяемых министерству обороны для задач, действительно важных для обороны». Представитель военных также добавил, что за последние 50 с лишним лет «было установлено, что ни одно сообщение об НЛО не говорило об угрозе для безопасности Соединенного Королевства». «Министерство обороны более не будет отвечать на сообщения об НЛО и не будет расследовать их», — подчеркнул он.

Британские уфологии, разумеется, уже выразили свое возмущение решением властей.

После растянувшейся более чем на шесть лет реставрации знаменитая скульптура Веры Мухиной «Рабочий и

колхозница» вернулась на свое прежнее место. В массовом сознании эта скульптура — такой же символ сталинской эпохи, как и «Марш энтузиастов», картины Исаака Бродского или фильм «Кубанские казаки». Но...

— В этой работе нет ничего идеологического, она антиидеологична, — утверждает внучка Веры Мухиной, художник и искусствовед Марфа Замкова. — Эта статуя — символ единения, ее прообразом была греческая скульптура «Тираноборцы» V века до нашей эры. Бабушка в своей композиции отталкивалась от этого монумента. Она воспевала труд, подвиг — вечные ценности, не имеющие отношения к какому бы то ни было политическому строю.

В 1937 году Мухина, — которая была родом из богатой купеческой семьи, училась в Париже у скульптора Бурделя, — выиграла конкурс на создание скульптуры для советского

Она упорно не желала его лепить и не лепила никогда, хотя ее очень настойчиво об этом просили. Она отговаривалась тем, что без натуры не работает...

павильона на Всемирной выставке в Париже. Идея замысла принадлежала архитектору Борису Иофану. Огромная скульптура из нержавеющей хромированной стали высотой 25 метров опиралась на 33-метровый постамент-павильон и полностью доминировала на выставке.

Ошеломительный успех в Париже заставил власти серьезнее взглянуть на сделанную исключительно для павильона и предполагавшуюся затем к уничтожению работу, и в 1939 году она была установлена у входа на ВДНХ. Постамент, правда, вышел куда более скромным — всего 10 метров, но скульптура, в особенности после того как она была позаимствована для мосфильмовских титров, превратилась в символ, в бренд. Мало кто уже воспринимает эту скульптуру как произведение искусства — настолько все свыклись с ее идеологическими, политическими наслоениями.

Казалось бы, автор столь epochального произведения должен был получить от властей все возможные почести и заодно полную свободу в реализации своих замыслов. С одной стороны, Вера Мухина была действительно обласкана властью. С другой, для многих она осталась в памяти автором одной работы.

— Ее талант не был востребован, не нужен советской власти — в том аспекте, в котором Вера Игнатьевна могла его предложить, — говорит Марфа Замкова. — У нас дома был даже такой термин — «мечты на полках». Все ее замыслы были очень метафоричны, а в то время были в моде памятники вождю народов.

После реставрации скульптура стала на пьедестал высотой 30 метров, что куда ближе оригинальному замыслу Мухиной.

Японские гостиницы, расположенные возле железнодорожных станций, пытаются привлечь клиентов номерами с видом на проходящие поезда.

Большинство клиентов посчитают близость к железной дороге недостатком, но некоторые владельцы гостиниц уверяют, что вид на рельсы — достоинство, которое можно продать не хуже, чем вид на море или озеро.

Прежде всего, они рассчитывают на японских фанатов железных дорог — трейнспоттеров, число которых оценивается в 20 тысяч человек. На свое хобби — наблюдение за поездами — трейнспоттеры тратят ежегодно более 40 миллионов долларов.

Токийский отель «Метс Акабане» гарантирует желающим комнату на пятом этаже с прекрасным видом на железнодорожные рельсы, и, как заявил корреспонденту «Би-би-си» ее управляющий, клиенты возвращаются сюда снова и снова.

Гостиница «Одакуи» расположена рядом со станцией «Синдзюку», одной из крупнейших в мире. Клиентам, кроме вида на проходящие составы, предлагаются канцелярский прибор, сделанный из рельса, и расписание движения поездов.

Кустодиев

1878, 7 марта. В Астрахани, в доме преподавателя семинарии, родился сын Борис. Мальчику было только полтора года, когда неожиданно отец умер. Мать бросилась в ноги к родственникам; они были небогаты, но как могли помогали.

1884. На казенный счет поступает в духовное училище, а потом в семинарию. Учеба его тяготила. Он был непоседливым, любил бродить по улицам, ему нравились базары, ярмарочное веселье. В воспоминаниях Кустодиев напишет потом, что сюжеты для своей живописи он черпал из детских воспоминаний.

1887. Посещает выставку передвижников, привезенную в Астрахань. Впервые видит картины, написанные масляными красками. Они поражают его воображение; он решает стать художником.

1893–1896. Поступает в художественную школу, созданную в Астрахани Павлом Алексеевичем Власовым. До конца жизни Кустодиев вспоминал своего учителя с благодарностью.

1896–1903. Приезжает в Петербург, благополучно сдает экзамены в Академию художеств. Через год попадает в мастерскую Репина, где работает вместе с Малявиным, Сомовым, Грабарем, Билибиным. Но именно ему Илья Ефимович предлагает совместную работу над громадным полотном «Торжественное заседание Государственного совета 7 мая 1901 года». Кустодиев не только пишет подготовительные этюды, но самостоятельно исполняет правую часть полотна. Похвалы Репина и коллег рождают и воодушевление, и уверенность в себе, в которой он так нуждался. В манере, близкой скорее Серову, чем Репину, пишет портреты художника Билибина, писателя Мордовцева, отправляет их на выставку в Мюнхен и получает за них Вторую Золотую медаль. Он чувствует, что может преуспеть и в жанре. Появляются «Кулачный бой на Москве-реке», «У кружала стрельцы гуляют». Критики хвалят, но находят заметное влияние Рябушкина.

Оканчивая Академию, в качестве конкурсной картины Кустодиев представил «Базар в деревне». Для того чтобы написать ее, едет в Костромскую губернию, пишет этюды с бабами и мужиками, изучает натуру, крестьянскую утварь. Он нашел свою тему и будет возвращаться к ней не раз. Потом он начнет писать без дотошности передвижников, станет больше доверять своему воображению, стремясь в первую очередь создать атмосферу праздника, когда гуляют все. Но сейчас он пишет так, как его учили. Академическому начальству его манера нравится. Он получает Большую золотую медаль и возможность годовой поездки за рубеж и по России. В это время он уже женат на Юлии Порошиной, у них рождается сын.

1903. Вместе с женой и годовалым сыном отправляется в Париж. Некоторое время занимается в частной студии Рене Менара. Затем едет в Испанию — посмотреть любимого Веласкеса. Через пять месяцев возвращается в Россию, поселяется в одной из деревень Костромской губернии. Он принадлежал к тем художникам, которые, понимая великие достижения европейского искусства, искали возможность создания произведений, про-

должающих русскую национальную живописную традицию. Живя в деревне, он видел всю тяжесть крестьянского быта, но тем не менее соглашался с Блоком: «Да, и такой, моя Россия, ты всех краев дороже мне». Он ищет те дороги, которые приведут его в страну «Кустодиевка». Конечно, он был романтиком. Таким он предстает в картине «Масленица», находящейся в Русском музее (**репродукция, фрагмент**). Поэтизация русской зимы, праздничного гуляния... Сколько вариантов «Масленицы» он потом напишет! И все они заражают радостью, молодым задором, стихией разудалости, несокрушимого здоровья.

1905–1906. Сотрудничает в сатирических журналах «Искры», «Жупел», «Адская почта», возникших на волне первой русской революции. Рисует карикатуры, пишет ставшую известной картину «Манифестация». Как романтик он поверил в возможность революционных сдвигов. И в то же время страна «Кустодиевка» стала отодвигаться в прошлое, становясь все нереальней. Зато с такой отчетливостью возникала она теперь в его воображении!..

1906–1911. Пишет «Ярмарку», два варианта «Праздника в деревне». Его избирают членом Академии художеств, предлагают заменить в классах Серова, демонстративно вышедшего из Академии после событий 9 января. Кустодиев отказывается. Он член возобновившегося «Мира искусства». Пишет этюды к неоконченному групповому портрету мирискусников. Его будущее представляется блестящим. Но тяжелая болезнь позвоночника дает о себе знать. Вскоре она прикует его к креслу инвалида, и с этим креслом он не расстанется до конца своих дней. Но на жизнерадостности его полотен болезнь не отражается.

1912–1915. Пишет «Девушку на Волге», «Купчиху», «Красавицу». Обобщенный образ русской красавицы, по-праздничному разряженной, бело-розовой, сдобной, пышнотелой, стал определяющим, знаковым для Кустодиева. Потом он стал писать русских Венер, в неге возлежащих на перинах или на банных полках. Появился термин «кустодиевская женщина». Ему стали приписывать личное пристрастие именно к такому типу женщин. Но все приемы обобщения говорят о родстве этих красавиц с теми, что изображены на росписи прялок, лубков, вывесок. Кустодиев тяготеет к фольклору, к примитиву, к народному вкусу.

1918–1920. Пишет полотно «Большевик», наблюдая революцию в окно своей квартиры. Создает эскизы оформления улиц и площадей к празднованию годовщины революции. Его приглашают работать для театра; он пишет эскизы декораций для «Царской невесты», «Снегурочки», «Блохи» по Замятину.

1924. Работает над большой серией иллюстраций к биографии Ленина. Он был очень осторожен в своих высказываниях, но, по-видимому, его романтические иллюзии постепенно угасают. Просится для лечения за рубеж, но ему отказывают.

1927, 26 мая. Умирает в Ленинграде.

Кустодиев представляется художником, который существовал сам по себе. Он входил в различные объединения, пытался участвовать в политической жизни страны, хотел вписаться в современную действительность, но настоящую радость испытывал, когда уходил в воспоминания. Писал не картинки прошлого, но пытался воссоздать страну, где «Русью пахнет». Его бесконечные «Ярмарки», «Масленицы», «Купчихи» с «глазастыми ситцами» и варварской «дракой красок» (А. Бенуа), с волжскими простотами и ранними зимними закатами, с разудалой и широкой русской стихией, были страной, с которой он не хотел и не мог расстаться.

ЯНВАРЬ

пн	вт	ср	чт	пт	сб	вс
				1	2	3
4	5	6	7	8	9	10
11	12	13	14	15	16	17
18	19	20	21	22	23	24
25	26	27	28	29	30	31

ФЕВРАЛЬ

пн	вт	ср	чт	пт	сб	вс
1	2	3	4	5	6	7
8	9	10	11	12	13	14
15	16	17	18	19	20	21
22	23	24	25	26	27	28

МАРТ

пн	вт	ср	чт	пт	сб	вс
1	2	3	4	5	6	7
8	9	10	11	12	13	14
15	16	17	18	19	20	21
22	23	24	25	26	27	28
29	30	31				

АПРЕЛЬ

пн	вт	ср	чт	пт	сб	вс
			1	2	3	4
5	6	7	8	9	10	11
12	13	14	15	16	17	18
19	20	21	22	23	24	25
26	27	28	29	30		

МАЙ

пн	вт	ср	чт	пт	сб	вс
3	4	5	6	7	1/8	2/9
10	11	12	13	14	15	16
17	18	19	20	21	22	23
24	25	26	27	28	29	30
31						

ИЮНЬ

пн	вт	ср	чт	пт	сб	вс
	1	2	3	4	5	6
7	8	9	10	11	12	13
14	15	16	17	18	19	20
21	22	23	24	25	26	27
28	29	30				

ИЮЛЬ

пн	вт	ср	чт	пт	сб	вс
			1	2	3	4
5	6	7	8	9	10	11
12	13	14	15	16	17	18
19	20	21	22	23	24	25
26	27	28	29	30	31	

АВГУСТ

пн	вт	ср	чт	пт	сб	вс
2	3	4	5	6	7	1/8
9	10	11	12	13	14	15
16	17	18	19	20	21	22
23	24	25	26	27	28	29
30	31					

СЕНТЯБРЬ

пн	вт	ср	чт	пт	сб	вс
		1	2	3	4	5
6	7	8	9	10	11	12
13	14	15	16	17	18	19
20	21	22	23	24	25	26
27	28	29	30			

ОКТАБРЬ

пн	вт	ср	чт	пт	сб	вс
				1	2	3
4	5	6	7	8	9	10
11	12	13	14	15	16	17
18	19	20	21	22	23	24
25	26	27	28	29	30	31

НОЯБРЬ

пн	вт	ср	чт	пт	сб	вс
1	2	3	4	5	6	7
8	9	10	11	12	13	14
15	16	17	18	19	20	21
22	23	24	25	26	27	28
29	30					

ДЕКАБРЬ

пн	вт	ср	чт	пт	сб	вс
			1	2	3	4
6	7	8	9	10	11	12
13	14	15	16	17	18	19
20	21	22	23	24	25	26
27	28	29	30	31		

